

Олег РОЙ

В СЕТЯХ ИНТРИГ

Олег Юрьевич Рой

В сетях интриг

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298782*

В сетях интриг: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40669-2

Аннотация

Однажды преуспевающий американский литератор русского происхождения стал невольным свидетелем одного странного разговора. Две яркие женщины обсуждали за столиком фешенебельного ресторана, как сначала развести, а потом окольцевать олигарха. Павла Савельцева ошеломила не только раскованность подруг в обсуждении интимных сторон жизни (в Америке такого не услышишь!), но и разнообразие способов выйти замуж. Спустя год с небольшим господин сочинитель увидел одну из красавиц – с младенцем и в сопровождении известного бизнесмена. Они не выглядели счастливыми. А когда в их словесной перепалке были упомянуты название московского кладбища и дата смерти жены и детей, в писателе проснулся дух исследователя. В погоне за новым сюжетом Савельцев сам стал его героем...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

100

Олег Рой

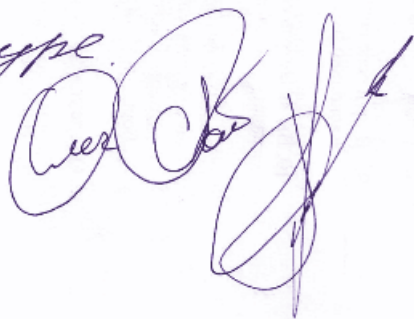
В сетях интриг

Памяти моего сына Женечки посвящается

Дорогой читатель „ЛитРес“!

Я очень рад, что именно
возможность обратиться
к каждому из Вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

A stylized handwritten signature in blue ink, consisting of several loops and a long vertical stroke at the end.

Москва встретила его невероятной, непривычной для мая, изнурительной жарой. Казалось, даже асфальт дымился, плавился и жаждал дождя. На небе – ни облачка, солнце безжалостно палило и обжигало кожу, проникая даже под легкую рубашку. Такое чувство, что ты не в России, а где-нибудь в Мексике! Идя по столичным улочкам, Павел Савельцев, писатель, сценарист и продюсер нескольких голливудских фильмов, с усмешкой наблюдал за изнывавшими от зноя бывшими соотечественниками. Как всегда, их лица были неприветливы, озабоченны, хмуры – да и какая же радость может быть, когда в такое пекло приходится торчать в раскаленном душном муравейнике мегаполиса, вместо того чтобы прохладиться на пляже, у ласковой воды, в тени пальм, как это делают все нормальные люди мира в жаркий сезон. Впрочем, куда этим замороженным индивидам до цивилизованного мира? Как многие эмигранты с постсоветского пространства, Павел считал своим долгом презирать тех, кто остался в стране, – за пессимизм, за привычку вечно ныть и жаловаться, за бытовую неустроенность, за неорганизованность, за непорядочность, за неумение вести цивилизованный бизнес и еще за целый список недостатков, которые он готов был перечислять при первом же удобном случае.

Сам Павел не жил в России уже двенадцать лет – с тех пор, как после выхода третьей книги ему неожиданно улыбнулась удача. Не то чтобы роман стал мировым бестселлером и в одно прекрасное утро его автор проснулся знамени-

тым – нет, конечно. Просто старый приятель Павла, в начале девяностых перебравшийся в Штаты и неплохо устроившийся в Лос-Анджелесе, пересказал сюжет знакомому продюсеру, а тот неожиданно заинтересовался и прислал автору электронное письмо с вопросом, сможет ли тот сам написать сценарий по своей книге. Получив это письмо, Павел возблагодарил Небеса – и за неожиданную удачу, и за то, что они (Небеса) послали ему такую маму, которая с пяти лет заставляла сына заниматься английским с педагогами и добилась, чтобы его приняли в лучшую языковую школу района. Благодаря всему этому он теперь хорошо знал язык и без особых затруднений мог перевести свой текст – а уж писать сценарии он научился еще в студенческие годы, когда, кроме занятий на журфаке МГУ, посещал заодно и спецкурс преподавателя из ВГИКа. Итог работы продюсеру понравился. Спешно собираясь тогда в поездку и занимая деньги у всех знакомых подряд, двадцатидевятилетний Павел был полон самых радужных надежд. Богатая фантазия уже рисовала перед ним сказочные картины: работа над фильмом совместно со знаменитым режиссером, самые яркие звезды в главных ролях, баснословный успех, «Оскар» за лучший сценарий, огромные гонорары и, как результат, – собственная вилла на океанском побережье и «Роллс-Ройс» в гараже. Разумеется, действительность вышла куда более прозаичной. Продюсер оказался не из великих, не то что не первого, но даже не второго ранга. Фильм сняли телевизионный, показали его лишь

однажды и по какому-то малопопулярному каналу, никаких звезд в творческой группе не было и в помине. Но это все казалось пустяком по сравнению с главным – У НЕГО! ВЫШЕЛ! ФИЛЬМ! В ГОЛЛИВУДЕ! И пусть вместо виллы в Майами пока пришлось довольствоваться съемной квартирой в скромном районе на окраине города, а роль «Роллс-Ройса» исполнял подержанный «Шевроле Корвет», произошло самое главное – Павел сумел остаться в Штатах и со временем получил грин-карту.

Вопреки ожиданиям на Западе путь к успеху оказался не легче, а даже сложнее, чем в Москве. На родине ему помогали напечататься мамины связи в издательском мире – а в США рукописи никому не известного русского автора, пусть и писавшего на английском языке, особого интереса не вызывали. Сотрудничество с продюсером привело к созданию еще трех фильмов такого же уровня, как и первый (и каждый последующий был хуже предыдущего), после чего само собой сошло на нет. Словом, Павлу пришлось бы туго, если б не удачная идея снова начать печататься на родине. Теперь он приобрел новый, куда более солидный статус – не просто один из многочисленной толпы начинающих прозаиков, а «русскоязычный писатель из США», автор сценариев фильмов, снятых не где-нибудь, а в Голливуде. Подобная «вывеска» привлекала внимание, вызывала уважение и заинтересованность. Тем более что к тридцати пяти годам «русский американец» Павел Савельцев стал весьма привлекательным

мужчиной, а в издательской сфере всегда очень много женщин, в том числе среди руководства. И он добился своего – его новые книги стали выходить в России. Пусть имя Савельцева не гремело, его не узнавали на улицах и не рвали на части поклонницы, но крупное московское издательство регулярно публиковало по три его романа каждый год, и тиражи (в сумме) доходили иногда до пятидесяти тысяч экземпляров. Плюс к этому была заключена пара контрактов на фильмы, в которых Павел выступал сценаристом и продюсером, – вот только кризис помешал. Работу над одним из кинопроектов отложили до лучших времен, другой тянулся ни шатко ни валко уже года полтора, как вдруг дело наконец сдвинулось с места. На горизонте появился перспективный спонсор, заинтересовавшийся его сценарием, – и эта новость заставила Павла спешно вылететь в Москву. Он прибыл ночью и остановился в престижном отеле на Петровке. Очень дорого, конечно, но, как говорится, *noblesse oblige* – положение обязывает, не может же голливудский сценарист жить в дешевой гостинице! Выспался и, стремясь убить несколько часов, оставшихся до назначенной на вечер встречи, отправился пообедать в «более или менее приличный», как он сам про него говорил, ресторан, находившийся неподалеку, в Камергерском переулке.

Он шел пешком, изнывая от жары, и от нечего делать рассматривал прохожих. Мимо то и дело проходила какая-нибудь красotka в обтягивающем топике, с открытым животом,

и Павел вынужден был признать про себя, что русские девушки, пожалуй, внешне интереснее американок, да и одеваются с бóльшим вкусом. Одежда всегда была предметом его внимания – и как писателя, и как человека. Ему было интересно наблюдать, как тот или иной наряд меняет внешность человека, иногда принципиально. Взять хотя бы вот того типа в джинсах с рваными коленками. В таком облачении ему не дашь на вид больше двадцати лет. А надень на него строгий костюм – и это будет другой мужчина, смотрящийся гораздо старше и, может быть, умнее...

Подойдя к ресторану, Павел ненадолго задумался, что предпочесть – внутреннее помещение или открытую летнюю веранду. Несмотря на то что внутри исправно работали кондиционеры и было совсем не жарко, даже наоборот – прохладно, залы пустовали. Сделав выбор на каком-то инстинктивном, подсознательном уровне, почти все посетители расселись на небольшой веранде, в тени от тента и выющихся цветов, избегавших по деревянным колоннам и надежно закрывавших респектабельный уют ресторана от любопытных взглядов с улицы. Оценив обстановку, Павел решил, что ищет не уединения, а новых впечатлений, и тоже уселся на веранде, заняв единственный свободный столик у стены. Юный длинноволосый официант с плавными, как у танцовщика, движениями тут же подал ему меню, и писатель углубился в изучение ассортимента и цен. Да уж, питаться в хороших московских ресторанах – откровенно недешево,

а денег у него не так уж много, престижный отель и прочие «понты» влетают в копеечку. Ну ничего, по такой жаре можно съесть что-нибудь легкое, скажем, салат. И выпить кофе. Кофе здесь, насколько он помнит, делают неплохой. А вечером будет видно...

— А нас что, сегодня никто обслуживать не будет? — услышал он почти над самым ухом возмущенный женский голос и невольно обернулся.

За соседним столиком сидели две девушки, и что-то в облике этой парочки сразу привлекло внимание писателя. Пока официант, тотчас подлетевший к их столику, уверял посетительниц, что заказанные ими блюда будут готовы максимум через двадцать минут, а шампанское, если они так хотят, принесут прямо сейчас, Павел принялся рассматривать соседок — осторожно, чтобы это не выглядело вызывающе, но все же очень внимательно.

Лицом к нему сидела молодая блондинка с пышной прической и еще более пышной грудью, демонстративно открытой и подчеркнутой даже более, чем допускают правила приличия. В ложбинке глубокого декольте залегла золотая цепочка с кулоном, в центре которого сверкал крупный бриллиант. Другой бриллиант, еще крупнее, украшал платиновое кольцо на пальце с дизайнерским маникюром в розовых и голубых тонах. В тех же тонах было и летнее платье от известного кутюрье. Дополняли наряд золотые часы, явно стоящие не один десяток тысяч долларов, серебристые босоножки на

огромной платформе и серебристая же сумка – с лейблом известной фирмы, но, на взгляд Павла, слишком объемная, чтобы быть изящной. Большие голубые глаза блондинки то и дело прищуривались, из чего Павел сделал вывод, что она близорука.

«Хороша штучка! – подумал он, разглядывая блондинку. – Мозгов вообще нет, это ясно с первого взгляда, но при таких формах они ей и ни к чему... Сексуальна до невозможности! Думаю, ни один мужчина не отказался бы от такого лакомого кусочка. Интересно, сколько ей лет? Двадцать пять? Черт ее знает, может, и меньше. А может, и больше. Сейчас их не разберешь – вся эта косметика, силикон, подтяжки, ботексы... Бывает, что тетка за пятьдесят выглядит моложе собственной дочери, а случается – семнадцатилетняя сопляшка смотрится на все тридцать...»

Вот вторая женщина, которая сидела к Павлу спиной, явно не выглядела молоденькой. Лицо ее он видел только в четверть оборота, но и манеры, и голос – хрипловатый, как у людей, которые курят не один десяток лет, и руки – сухошавые, ухоженные, но уже лишённые юной округлости, с выраженными суставами на пальцах – выдавали, что их обладательнице никак не меньше сорока. Волосы женщины были коротко острижены и выкрашены в ярко-рыжий цвет, одета она была в элегантный брючный костюм сочного оливкового оттенка. По этому костюму, туфлям, удачно подобранным ему в тон, и другим аксессуарам Павел заключил, что вкуса

у старшей из собеседниц, пожалуй, побольше, чем у ее подруги, – а вот средств явно меньше. Хотя она и не одевается на рынках, но не может позволить себе таких дорогих вещей и украшений, в каких щеголяет приятельница.

Где-то в недрах обширной серебристой сумки зазвучала электронная мелодия.

– Ой, у меня телефон звонит... – прощепетала блондинка и полезла в свой баул на поиски мобильного. Задача эта оказалась нелегкой. Сотовый, очевидно, лежал на самом дне, и, стремясь найти его, девушка принялась, подпевая доносящейся мелодии, выгружать на скатерть кучу всякого барахла: пузатую косметичку, большой флакон французской туалетной воды, дезодорант той же фирмы, паспорт в меховой обложке, украшенный стразами розовый футляр для солнечных очков, коробочку с DVD-диском... – Ах, вот он где, этот фильм! – обрадовалась она последней находке. – А я-то все перерыла, думала – потеряла...

Тем временем мелодия смолкла, а мобильного девушка так и не нашла.

– И ладно, – отмахнулась она. – Кому надо, перезвонит! Наблюдая за ней, Павел откровенно веселился про себя. «Вот и не верь после этого анекдотам про блондинок! – подумал он. – Жаль, в книге эту сцену описать нельзя – не поверят. Скажут, что в реальной жизни таких дурочек не бывает...»

– Посмотри все-таки, вдруг это он звонит? – прозвучал

голос с хрипотцой, и блондинка, вскинув на подругу большие ярко накрашенные глаза и привычно сощурившись, покачала головой.

– Нет, не он. Это Танька, подружка, я специально на нее Биана поставила, она от него тащится.

– Тогда черт с ней, не перезванивай, – разрешила рыжая.
«Такое чувство, что она ею командует, – отметил про себя писатель. – А эта дурочка слушается. Занятная парочка...»

И быстрым движением нащупал блокнот, который постоянно носил в кармане. Это уже стало частью его работы – он всегда слушал, а по возможности и записывал случайные разговоры, что потом очень пригодились. Как известно, у многих людей бывает своя, индивидуальная манера речи, характерное построение фразы, любимые словечки и выражения, особые интонации – а для писателя это все ценный материал, который потом можно будет использовать в романе или сценарии. Да и содержание бесед иногда бывает любопытным, сам до такого ни за что не додумаешься. Конечно, от этих девиц он вряд ли дождется чего-то из ряда вон выходящего. Скорей всего, будут всю дорогу трещать о шмотках да перемывать кости знакомым. Но как сырьевой материал и их болтовня может пригодиться.

– Ваше шампанское, – официант поставил перед подругами ведро со льдом, бесшумно открыл бутылку, обернув ее полотенцем, и разлил пенящийся светло-золотистый напиток по бокалам.

– У меня есть тост, – заявила блондинка, берясь за ножку бокала. – Давай выпьем за тебя. Правда, Светка, ты самая лучшая! Спасибо тебе за все! Я тебя так люблю!.. Так люблю, что сил нет! У меня до тебя никогда не было таких подруг.

Похоже, блондинка не лукавила – она действительно обожала собеседницу до безумия. Счастливый блеск влажных глаз говорил о том, что она и впрямь готова плакать от радости. Девушка с такой нежностью смотрела на свою визави, что, казалось, если бы не маленький столик, разделяющий их, она бы бросилась в объятия к этой дамочке с хрипловатым голосом. Павел старался вести наблюдение незаметно и даже положил перед собой раскрытый журнал, делая вид, что читает. Но подружки были так увлечены друг другом, что ничего не замечали и говорили громко, нимало не заботясь о том, что их могут услышать.

– Ну что же, – засмеялась в ответ Светлана. – Тогда и за тебя! Я тоже очень привязалась к тебе, Лера.

«Лесбиянки они, что ли? – подумал Павел под звон встретившихся над столом бокалов. – Странно, вроде не похожи...»

Точно подслушав его мысли и спеша опровергнуть их, блондинка Лера пустилась в откровения:

– Правда-правда, Свет! Ты не представляешь, как я тебе благодарна! Ты всю мою жизнь изменила, с ног на голову перевернула, можно сказать! Вот так подумаю – ну что у меня раньше было? Вообще ничего. Работа да сериалы по те-

лику. Ну разве перепихнешься с кем-нибудь от скуки, кончишь раз-другой – и все. Тоска смертная, как вспомню – так вздрогну! А теперь благодаря тебе у меня любовник-олигарх и я все-все могу себе позволить! О работе и думать забыла, развлекаюсь с утра до ночи и с ночи до утра. Хотя в ночной клуб, хоть куда... И шмотки у меня, и брюлики, и на Канарах была... Квартира шикарная, машину он мне обещал, как только я водить научусь. Правда, честно тебе скажу, Свет, неохота мне учиться водить... – блондинка снова отхлебнула шампанского.

Ответ Светланы прозвучал неожиданно резко:

– Ну, ты сильно-то губы не раскатывай. Всего этого ты можешь лишиться в один момент.

Лера непонимающе заморгала – она все еще упивалась неожиданно свалившимся на нее счастьем и совсем не хотела спускаться с небес на землю.

– То есть как это – лишиться?

– А вот так. – Светлана, видимо, решила не жалеть подругу. – Бросит он тебя в один прекрасный день – и все. Найдет другую, а ты останешься ни с чем. Ну, может, тряпки и цацки при тебе останутся. А квартира-то не твоя, а съемная.

– Све-е-ет, ну что ты такое говоришь... – растерянно тянула блондинка, и Павел отметил, что подобная мысль, очевидно, никогда раньше не приходила в ее хорошенькую головку.

– Вот была бы ты его женой... – продолжала тем време-

нем Светлана, не обращая никакого внимания на огорчение подруги.

Идеальные брови Леры взлетели высоко вверх.

– Но как я могу?.. Он ведь уже женат!..

– А мы придумаем что-нибудь.

Павел не видел лица Светланы, но почему-то был уверен, что она подмигнула Лере.

– Да что ж тут можно придумать?

– А вот что – ты от него родишь. Вся Москва знает, что твой Андрюша обожает детей, он просто чокнутый папашка. Удивляюсь, как это ни одна из его бывших пассий не догадалась родить ребенка.

– Ребенка? – надула подозрительно пухлые губки Лера. – Да ну... Я не хочу ребенка.

– А стать женой своего олигарха хочешь?

– Женой хочу. – На лице Леры отразилась внутренняя борьба и непомерные умственные усилия. – Только, Свет... С ребенком ничего не получится.

– Почему ты так решила? – в хриловатом голосе звучали жесткие нотки.

– Он знаешь как тщательно предохраняется? Чуть ли не по три презика зараз надевает. И у него ведь уже есть двое детей, эти, как их...

– Иван и Надя, – подсказала Светлана.

– Да, именно! Он все уши мне с ними прожужжал, я уже про них слышать не могу! – блондинка скорчила брезгливую

гримасу.

– Надеюсь, ты делаешь все, как я тебя учила? Строишь с умилением на фотки детей, постоянно расспрашиваешь о них и показываешь всем своим видом, что тоже только и мечтаешь о том, как стать матерью?

– Да, я стараюсь... Мы даже как-то раз говорили с ним об этом. Он сам начал разговор, сказал что-то вроде: «Лапуль, я понимаю, что тебе хочется ребенка, но я пока не готов...»

– Вечная мужская отговорка, – припечатала железным тоном рыжая. – Они никогда не готовы к тому, что нам хочется, будь то хоть шуба, хоть ЗАГС. Надо брать все в свои руки.

– Но как? – хлопала ресницами Лера.

– Да мало ли способов! Например, можно проткнуть презервативы иголкой еще в упаковке. Он этого не заметит, а когда все произойдет, будет уже поздно. Это проверенное средство.

– Ты делала это когда-нибудь? – хитро улыбаясь, спросила блондинка.

– Нет, я этого не делала, но это неважно. – Светлана, перегнувшись через стол, приблизилась к подруге и заговорила тише, отчего писателю пришлось напрячь слух: – Или, на крайняк, забеременей от кого-нибудь другого. Ты сама несколько раз говорила, что не хранишь верность своему Андрюше.

– Это да, бывает... – Лера хихикнула и потупила глаза.

– Смотри только осторожнее, чтобы он ни о чем не узнал,

а то пиши пропало! – После этих слов Света вновь повысила голос: – А что это мы с тобой совсем шампанское не пьем, оно нагрелось уже! Молодой человек, подойдите к нам! Ну что? За нас, красивых, за них, рогатых!

Подруги вновь звонко сдвинули бокалы.

«Да, в Америке, пожалуй, такого не услышишь! – думал Павел, отодвигая от себя тарелку из-под салата – увлеченный разговором соседок, он и не заметил, как она опустела. – Вот она, российская непосредственность во всей красе. При всем честном народе дамочки обсуждают свою интимную жизнь, даже не задумываясь о том, что их могут услышать. Кстати, из их болтовни может выйти любопытный сюжет. А почему нет? Можно назвать, например, «Охота на олигарха»... Хотя нет, что-то подобное уже, кажется, было...»

Он вынул из кармана блокнот и принялся торопливо записывать услышанное. Когда в девятом классе мама настояла на том, чтобы он окончил курсы стенографии, Павел сопротивлялся как мог – было стыдно ходить в группу, где занимаются одни девчонки и взрослые женщины. Но не даром его мамочку в издательстве «Прогресс», где она проработала без малого тридцать лет, прозвали «железной леди» – спорить с ней было бесполезно. Сын покорно освоил систему быстрых записей, выучил все эти на первый взгляд нелепые, похожие на шпионский шифр значки – и уже в студенческие годы понял всю выгоду подобного навыка. Конспекты лекций у него были самыми полными и содержательными на курсе, прав-

да, пользоваться ими никто, кроме Павла, не мог. Помогали знания стенографии и в писательской работе: например, когда нужно было быстро перенести на бумагу пришедшую в голову важную идею или, как сейчас, зафиксировать любопытный материал наблюдений.

Лера тем временем все еще обдумывала совет подруги. Поставив на стол наполовину опустевший бокал, она с сомнением проговорила:

– Свет, так ничего не получится... Ну, допустим, залечу я от кого-нибудь. Правда, у меня сейчас нет никого, но это дело поправимое... Но ведь Дрюня-то не дурак, он поймет, что это не его ребенок!

– А ты напои его, – невозмутимо отвечала Светлана. – Да так, чтоб и не помнил, что делал и делал ли. И презервативы проткни. И если он в чем-то усомнится, так ему и скажешь: «А помнишь, дорогой, как ты напился? А помнишь, как у нас резинка порвалась? Вот тогда-то все и случилось!» Надо только, чтобы все по времени точно совпало, считать такие ребята хорошо умеют.

Однако скептическое выражение еще не покинуло Лерино лицо.

– Ну, допустим, – согласилась она, – что Дрюня мне поверит. Признает ребенка и все такое. Но что-то я сомневаюсь, что после этого он бросит свою мымру со спиногрызами и женится на мне...

«А она все-таки не настолько непроходимо глупа, как мне

показалось сначала, – пронеслось в голове у Павла. – Интересно, что скажет на это рыжая?»

– Я ж тебе сказала – *мы* придумаем что-нибудь, – упирая на слово «мы», парировала Светлана. – Все под Богом ходим – и его благоверная не исключение. Мало ли как жизнь сложится. Я слышала, она в Испанию собирается. А там и море, и горы – и утонуть можно, и в пропасть с горы навернуться...

– Ты на что это намекаешь? – удивилась Лера.

– Да тише ты! Пойми, ты мне как родная сестра. Я хочу сделать тебя счастливой! И помогу тебе! Чтобы он был абсолютно точно, на сто процентов твоим.

– Но как?

– Я тут кое-что придумала...

Светлана оглянулась (Павел тотчас отвел глаза), снова наклонилась поближе к подруге и что-то зашептала. Лера ахнула, Светлана сжала ее руку, призывая замолчать, и продолжала шептать. Писатель весь обратился в слух – но ничего не услышал из-за внезапно подошедшего официанта.

– Будете что-нибудь еще заказывать или подавать кофе? – прозвучало над ухом.

Павел даже вздрогнул от неожиданности.

– Несите кофе, – резко ответил он, досадуя, что не слышит теперь продолжения разговора за соседним столом.

– А какой кофе вы предпочитаете?

– Эспresso. И побыстрее.

– Двойной или стандартный? – не унимался официант.

– Стандартный! – почти крикнул на него Павел. И дернул же черт этого оболтуса подойти именно сейчас, в самый интересный момент!

Молодого человека тон писателя ничуть не смутил, и, сделав пометку в маленькой записной книжке, он спросил:

– Это все? У нас вкуснейшая выпечка, советую попробовать.

– Хорошо, принесите что-нибудь на ваше усмотрение. – Павел понял, что повышать голос и обращать на себя внимание сейчас не в его интересах, поэтому постарался взять себя в руки: может, не все потеряно и он успеет еще что-то услышать.

Однако надежды его не оправдались. Лера и Света уже закрыли интересующую его тему. Им наконец подали заказанные блюда, и теперь за едой они болтали о каких-то туфельках, бутиках, новых коллекциях и прочей дамской ерунде.

– Ваш кофе и фирменное пирожное! – громко провозгласил вновь подошедший официант, но на этот раз Павел отнесся к нему без раздражения. Что толку мотать себе нервы, если все равно этим делу не поможешь? Он спокойно пил кофе и ждал. Но ничего не дождался.

Его соседки поели, допили шампанское и стали собираться.

– Ты сейчас в салон, да, Светик?

– Ага, как раз успеваю. А ты?

– Не знаю еще. Пока тут, в Камергерском, по магазинчи-

кам прошвырнись, а там видно будет...

Подзывала официанта Света, но заплатила по счету, как писатель и предполагал, блондинка. Когда подружки встали из-за стола, он с интересом поглядел на Светлану. «У такой железной леди глаза должны быть серыми, с металлическим оттенком», – подумал он про себя. И действительно угадал. Пока женщины проходили мимо, он успел рассмотреть Свету. Лицо некрасивое, но интересное – жесткое, волевое. На щеке две родинки, на шее морщинки, грудь маленькая, фигура хрупкая, точеная. Незаурядная женщина, но в смысле привлекательности очень и очень уступает подруге. Светлана и не взглянула в его сторону, Лера же, проходя мимо, поймала его взгляд и кокетливо улыбнулась – ей было приятно его мужское внимание.

Подружки направились к выходу, и писатель понял, что и ему больше нечего делать в этом ресторане. Положил на стол несколько купюр, оставив официанту на чай только сотню (больше тот не заслужил – не надо было лезть под руку!), и тоже, хоть и не без сожаления, покинул прохладную тенистую веранду.

* * *

Фильм состоялся, и более того – состоялся на удивление быстро. Вся оставшаяся работа над проектом заняла чуть больше года, точнее, пятнадцать месяцев. Осенью следую-

щего года сценарист Павел Савельцев снова прибыл в Москву, на премьеру, которая должна была пройти в кинотеатре «Кодак-Киномир». И когда в его графике среди дня неожиданно образовалось несколько свободных часов, он по старой привычке заглянул пообедать в знакомый ресторан в Камергерский переулок.

Стоял прохладный октябрь, летнюю веранду уже закрыли. Зал почти пустовал – было около четырех часов: для обеда уже поздно, для ужина еще рано. Павел выбрал удобный столик, сделал заказ и, в ожидании, углубился в чтение распечатки тритмента¹ очередного фильма, по ходу дела правку остро отточенным карандашом – ему нравилось работать по старинке, на бумаге, а не на компьютере: так, казалось, лучше виден текст.

Шум у входа заставил его невольно поднять голову. В дверях появились новые посетители – светловолосая молодая женщина и мужчина, выглядевший еще нестарым, лет максимум на сорок пять, но уже почти седой. Следовавший за ними здоровяк в безликом темном костюме осторожно нес голубую люльку из тех, в которых обычно возят в автомобилях младенцев. Сзади их сопровождало несколько таких же плечистых молодых людей в темных костюмах, которых мужчина, войдя в зал, отпустил одним движением руки.

Лицо мужчины показалось Павлу смутно знакомым, но

---

¹ **Тритмент** (от англ. treatment) – вольное изложение истории будущего фильма, спектакля, рекламного ролика на нескольких страницах.

кто это такой, он никак не мог вспомнить. А вот женщину узнал сразу. Это была она, та самая блондинка! «Неужели Лера? Да, это именно она!» – бормотал про себя писатель. Она чуть изменилась, лицо немного осунулось, да и фигура уже казалась не такой точеной – по всей видимости, сказались недавние роды. Но при всем при этом выглядела девушка по-прежнему сексапильно, одета была так же дорого, многочисленные украшения, как и раньше, сверкали на руках и шее.

Да-да, это была она, и ему ли было не помнить Леру! Услышанный в прошлом году разговор произвел на Павла сильное впечатление, и при первой же возможности он наговорил на свой диктофон все подробности, которые сумел запомнить. В самолете, возвращаясь в Америку, он прослушал диктофонную запись, расшифровал стенограмму и окончательно решил, что сделает из этого сюжета новый проект – одновременно и роман, и сценарий. О хитрой дамочке баллазовских лет, которая сумела подложить под олигарха смазливую провинциальную дурочку и неплохо на этом нажилась. Он уже начал работу, но последнее время она несколько застопорилась, к тому же пришлось переключиться на другие проекты. Правда, последнее было обычным делом, Павел привык работать сразу над несколькими вещами одновременно. Услугами так называемых «негров» он в целях экономии не пользовался. А теперь судьба точно решила сделать ему подарок и послала новую встречу с Лерой – в том же

ресторане, но уже с другим спутником. Неужели это тот самый мужчина? Помнится, подруги называли его Андреем...

Тем временем охранник бережно поставил на стул люльку, где, должно быть, спал малыш, закрытый рюшами от солнца, ветра и чужих глаз, и удалился. Лера уселась за столик, мужчина, прежде чем последовать ее примеру, осторожно заглянул в люльку, видимо, чтобы удостовериться, что ребенок спит. Тут у мужчины зазвонил мобильный, и он занялся разговором, прервавшись лишь на несколько секунд, чтобы отдать распоряжения официанту. Его спутница успела по женской привычке вдоль и поперек изучить меню, сделать наконец заказ и теперь со скучающим видом разглядывала свои гладкие ухоженные руки – а он все говорил и говорил по телефону. Лера несколько раз обращалась к нему, но он жестом останавливал ее – мол, погоди, не сейчас, я занят.

Как назло, на этот раз Павел сидел слишком далеко от них. Он всеми силами старался услышать хоть что-то из разговора, но это было невозможно.

«Тот это мужчина или не тот? Андрей или нет?» – эта мысль занимала писателя больше всего. Ему вновь показалось, что он где-то уже видел его, но память отказывалась давать подсказки. Судя по охране, одежде, обуви, галстуку, мобильному и другим аксессуарам, это был человек состоятельный или, как любил говорить Павел, состоявшийся. Однако победителем, хозяином жизни он явно не выглядел – наоборот, казался каким-то подавленным и слегка затормо-

женным.

Какая же все-таки досада, что Павел не может услышать ни одного их слова! Но тут ему снова улыбнулась удача. Лере то ли стало холодно у окна, то ли кондиционер дул на нее, то ли еще что-то, но она надула губки и о чем-то сказала своему спутнику в перерыве между его телефонными звонками. Мужчина равнодушно кивнул ей в ответ и вновь обратился к своему мобильнику, одновременно перемещаясь за другой столик, куда официант спешно перенес люльку. Теперь они сидели гораздо ближе, и Павел возликовал – он без труда мог их слышать. Но радость оказалась преждевременной – слушать было совершенно нечего. Лерин спутник вел деловые переговоры по телефону, она же молчала и недовольно хмурилась. Так продолжалось долго, более получаса. Им принесли заказ, но мужчина почти не притронулся к еде, толькопил коньяк из пузатого бокала. Поев, его жена снова заскучала.

– Сколько можно разговаривать по телефону? – прошипела она после очередного звонка. – Я тоже здесь, а тебе все равно. Тебе никто не нужен – ни я, ни Боря!

– Тссс, сейчас, сейчас, – успокаивал ее муж.

Да, точно муж, теперь Павел был уверен – об этом свидетельствовали кольца на их руках, необычной формы, в виде трех пересеченных полосок, по всей видимости, из платины. А мужчина при более близком рассмотрении все еще казался знакомым. Но откуда бы он мог его знать?

В люльке захныкал ребенок, Лера, сердито пробормотав

что-то себе под нос, приподняла рюшчатую ткань и склонилась над ним.

– Ты знаешь, мне уже скоро пора ехать, – вдруг сказал ее супруг, и Лера перевела на него взгляд.

– Куда это еще? – грубовато спросила та.

– На Ваганьково. Сегодня же десятое...

– Ну и что, что десятое? – взорвалась вдруг Лера. – Каждый месяц туда мотаешься, сколько можно! Больше года уже прошло! Сколько можно оплакивать семью, которой больше нет? У тебя, между прочим, уже давно другая жена и другой ребенок! Люда с детьми уже мертвы – а я-то жива! Почему ты тратишь свое время на них, а не на меня? Я как прокаженная – все время одна!

Ребенок почувствовал напряженную атмосферу и громко заплакал. Нервно теребя висевшую над ним погремушку, Лера с каким-то неистовством стала раскачивать люльку, одновременно выговаривая мужу:

– Вот зачем мы сюда Борьку притащили? Я же предлагала оставить с няней! Мне стыдно тут с ним быть... Какой это отдых?

Малыш не унимался, изо всех сил сучил ножками в малюсеньких голубеньких пинетках и махал ручонками так, что задевал подвешенные над ним погремушки.

– Я так редко вижу его, – отвечал мужчина, стараясь оставаться спокойным. – Ты же знаешь, у меня не так много свободного времени, хочется провести его с семьей. Думал сде-

лать тебе приятное, пригласив в твой любимый ресторан.

– Да уж, мне приятно – дальше некуда! – женщина повысила голос, пытаясь перекрычать плач ребенка.

– Лера, почему он так плачет? Может, проголодался? По-корми его.

Лера ткнула в люльку бутылочкой, но кроха оттолкнул ее. Он кричал все сильнее и сильнее, переходя на визг, прерывающийся только на мгновения. Мать это разозлило еще больше, она с силой тряхнула люльку, проорав в сердцах:

– Замолчи сейчас же, дрянь такая!

– Что ты так нервничаешь? – строго посмотрел на нее супруг. – Тише, люди кругом. Дай мне сюда ребенка!

Он потянулся к люльке и взял на руки пухлощекого малыша в лиловом костюмчике, явно стоящем не меньше пары сотен долларов. Оказавшись на руках у отца, мальчик вскоре притих и, засунув крошечный пальчик в рот, причмокивая, принялся разглядывать все вокруг.

Павел отвел глаза. Он был не из тех людей, кого восхищают и умиляют дети, особенно маленькие, – ему они всегда казались лишь помехой, постоянным источником шума, беспокойства и раздражения.

– Видишь, ты его даже успокоить не можешь, – продолжал Лерин спутник, прижимая к себе малыша. – А все потому, что ты постоянно мотаешься по своим бутикам да клубам, ребенком не занимаешься. Хоть в выходные, будь добра, бери с собой сына.

– Ему и дома неплохо, – огрызнулась та. – Пусть им Ольга занимается, мы ей за это деньги платим.

Похоже, в отношении к детям Лера во многом была солидарна с писателем, хоть и не знала об этом.

– Да, но только Борька скоро забудет, как выглядит его мать! – Мужчина говорил спокойно, но было заметно, как дрожат его скулы от нервного напряжения. – Ладно, – немного помолчав, проговорил он, – я вызвал Владимира с твоей машиной, он будет минут через пятнадцать. Ты выпила, так что самой тебе за руль садиться нельзя, пусть он тебя отвезет. Будешь еще что-нибудь заказывать?

– Буду, – капризно отвечала Лера. – Я не наелась.

На самом деле было ясно, что она совершенно не голодна – просто специально тянет время, чтобы досадить мужу. Но тот никак не проявлял недовольства или раздражения, а лишь спокойно играл с ребенком или снова разговаривал по телефону все то время, пока его супруга выбирала блюда, ела и отчитывала официанта за то, что ей подали все не то и не так и вообще у них стали готовить очень невкусно.

– Ты поела? – поинтересовался муж, когда спектакль наконец закончился. – Тогда собирайся. Принесите нам счет, пожалуйста, – попросил он и опять повернулся к жене: – Какие у тебя планы?

– Не знаю, еще не решила. Может, вечером со Светкой встречусь...

– Ну, со Светкой так со Светкой, – равнодушно ответил

супруг. – Только, будь добра, сначала отвези домой Боречку. А то потеряешь его где-нибудь, с тебя станется.

Лера фыркнула, а в памяти Павла сразу всплыл ярко-огненный образ Светы. Любопытно было бы увидеть Светлану, посмотреть, наконец, в ее хитрые глаза, послушать, какие разговоры ведут эти дамочки сейчас. Все эти слова «на Ваганьково», «год прошел» и особенно «теперь у тебя другие жена и ребенок» и «Люда с детьми мертвы, а я жива!» сильно зацепили его. Павел хорошо помнил, как в прошлом году Светлана неприкрыто намекнула на то, что с законной супругой олигарха, стоящей на пути к Лериному счастью, может что-то случиться. И теперь, спустя год, этот человек едет на кладбище, похоже, что к бывшей супруге, а Лера стала его новой женой... Выходит, то недоброе пожелание Светланы каким-то чудом сбылось? Однако Павел был взрослым, здравомыслящим человеком и не верил в такие удивительные совпадения. Подобные вещи не происходят сами собой. Если бы каждое выстраданное или брошенное сгоряча «чтобы ты сдох!» сбывалось, населения Земли здорово бы поубыло...

Привлек внимание и еще один момент: Лера с мужем говорили не просто о смерти жены, но о смерти всей семьи – и женщины, и детей. Значит, естественная кончина сразу исключается. В семье нынешнего супруга Леры год назад случилось какое-то большое несчастье, унесшее несколько жизней.

Словом, перед писателем возникла загадка, тем более интересная, что он сам имел к ней некоторое отношение – часть событий развернулась прямо на его глазах. И Павлу страстно захотелось решить эту задачу. Задачу, разгадка которой – теперь это уже точно – даст ему новый, интереснейший материал для работы.

Супруги уже покидали ресторан, и Павел в первый момент растерялся. Возникла даже шальная мысль выбежать следом и, поймав первую попавшуюся машину, сесть на хвост и проследить за ними. Однако он не стал делать этого – по многим соображениям. Во-первых, судя по всему, Лера и ее муж поедут в разные стороны. Во-вторых, вот так быстро остановить такси и мчаться, бросив водителю «едем вон за той машиной!», получается только в кино. В жизни наверняка что-то помешает – или долго никто не остановится и преследуемые уже успеют скрыться из виду, или водитель просто-напросто откажется участвовать в таких вот киношных погонях... Но даже если повезет и с тем, и с другим, охрана наверняка заметит «хвост» – а тогда преследователю не поздоровится.

Так что бросаться следом за уходящими Павел не стал. Вместо этого подозвал официанта, и, вложив на его глазах в поданную «корочку» лишнюю тысячу, небрежно поинтересовался:

– Слушайте, а кто этот мужчина? Такое лицо знакомое, но никак не могу вспомнить... По телевизору я его видел,

что ли...

— К сожалению, ничем не могу вам помочь, — развел руками официант. — Этот господин не из числа наших постоянных клиентов. Вот супруга его, Лера Дмитриевна, часто тут бывает.

Павел только что не выругался с досады. Первый же шаг привел его в тупик. Но оставалась еще одна тоненькая ниточка, и он ухватился за нее как за последнюю надежду.

На следующее утро Павел вылез из такси у входа на Ваганьковское кладбище. Огляделся по сторонам, подумал с минуту, на всякий случай купил у одной из многочисленных, расположившихся вдоль забора торговок цветами пару алых гвоздик и решительно вошел в калитку.

Раньше он никогда не был на этом кладбище, как-то не довелось, но знал, что похороны здесь — роскошь, доступная немногим. На Ваганьково находят свой последний приют разные известные личности — актеры, музыканты, художники, спортсмены... А также те, кому это по средствам, то есть представители бизнеса и криминального мира, что здесь, на его бывшей родине, почти всегда одно и то же.

В будний день, несмотря на хорошую погоду, на кладбище было немногочисленно. На центральной аллее, ведущей мимо церкви, еще попадался народ, но чем дальше Павел продвигался вглубь, тем более пусто становилось вокруг. Только вдаль, у стены, похоже, крематория пожилой саксофонист играл (и на удивление прилично) какую-то знакомую груст-

ную мелодию, кажется, что-то из Поля Мориа.

Павел свернул с центральной аллеи раз, другой и вскоре понял, что заблудился. Проклятая российская неорганизованность, проявляющаяся даже здесь! Хотя территория и поделена на аллеи, но могилы распаханы между ними почти хаотично, запутаться в них – пара пустяков. То ли дело в Америке, где однотипные памятники умершим выстраиваются четкими ровными рядами! И кладбища в Штатах обычно делают на ровной открытой местности. А тут целый лес – и из деревьев, и из разномастных крестов, надгробий, скульптур скорбящих ангелов... И тишина. Странная для центра города тишина, нарушаемая лишь шорохом опадающей с деревьев листвы да теперь уже далекими звуками саксофона... Первое время Павел пытался читать надписи на памятниках, но вскоре понял, что это бесполезно. Сам он ничего не найдет, тем более толком и не знает, что ищет. Только в глазах рябит от имен, дат и фотографий.

На одной из аллей он увидел наконец то, что могло ему помочь. Крепкая рослая женщина лет пятидесяти сметала граблями золотистую листву, которую щедро разбросал вокруг себя толстый старый ясень. Судя по рабочему комбинезону и стоящей рядом засыпанной листвой и мусором мототележке, женщина была сотрудницей кладбища, а не просто родственницей, ухаживающие за могилой кого-то из близких.

– Простите... – окликнул ее Павел.

– Галина, – подсказала женщина, не отрываясь от своего занятия, чем в очередной раз всколыхнула в душе писателя волну недовольства бывшими соотечественниками. Какое ему дело до ее имени, с чего она взяла, что ему интересно, как ее зовут? Неужели тетка решила, что понравилась ему?

– Я ищу могилу своей знакомой, – проговорил Павел, старательно имитируя американский акцент, что здорово навострился делать за последние годы.

– А, вот оно что, – женщина наконец удостоила его взглядом. – А я подумала, что вы за могилкой поухаживать попросите. Смотрите, я хорошо убираюсь и беру недорого, всего тысячу в месяц.

Сдерживаясь и еще больше напирая на американский акцент, Павел объяснил, что уход за могилами его не интересует. Ему нужно найти, где похоронена его старая знакомая, погибшая около года назад.

– Да мало ли их тут... – пожала плечами Галина. – У нас тут каждый день кого-то хоронят. Одних актеров по дюжине в год приносят.

Павел прибег к последнему аргументу. Неторопливо поднес руку к внутреннему карману куртки, еще более неторопливо вынул из него бумажник, раскрыл, достал купюру в сто долларов.

На Галину этот процесс произвел магическое действие. Она тотчас бросила работу и следила за его рукой заворо-

женным взглядом, каким кролик смотрит на удава.

Павлу только это и было нужно.

– Я, к сожалению, не знаю ее фамилии по мужу, – медленно проговорил он. – Но точно знаю, что Людмила погибла чуть больше года назад. И не одна, а вместе с семьей. Ее муж – человек очень состоятельный, похороны наверняка были не из заурядных. Я вас очень прошу вспомнить, это в ваших интересах, – добавил он, теребя в руках купюру.

Гладкое и румяное, как у молодухи, лицо Галины на миг озадаченно нахмурилось, но тотчас прояснилось.

– Год назад, говорите? Пойдите... А не та ли это женщина, которая с детишками на машине разбилась?

– Да-да, – радостно закивал Павел, не ожидавший, что его проблема решится так быстро.

– А, так это туда, ближе к конторе, – махнула рукой женщина и засуетилась: – Пойдемте, я вас провожу.

Один бы он ни за что не нашел это захоронение, в том числе и потому, что оно не бросалось в глаза. Не было там ни помпезной позолоты, ни огромных крестов, ни скульптурных памятников, настоящих произведений искусства, – ничего такого, что украшало многочисленные пристанища умерших в последние годы знаменитостей, на каждое из которых ему указывала словоохотливая Галина, когда они проходили мимо. Доведя его до места, женщина остановилась и указала на могилы:

– Взгляните, не та ли?

Он взглянул – и замер. Было от чего. Галина с понимающим выражением на лице терпеливо стояла рядом, ожидая, пока он выйдет из оцепенения.

– Вы не знаете, отчего они погибли? – спросил после долгой паузы Павел.

– Так я же говорю – на машине разбились! Отдыхали где-то за границей, в Испании вроде, поехали в горы кататься, и то ли тормоза у машины отказали, то ли водитель пьяный был... Так все разом и погибли. Детишек очень жалко. Я вот уж сколько лет на кладбище работаю, а все никак к такому привыкнуть не могу – когда детишки-то умирают...

Кое-как прервав поток ее красноречия, он поспешил спроводить женщину, вручив сотню и сухо поблагодарив за помощь. Ему не терпелось остаться тут одному и как следует все рассмотреть.

Могила окружала изящная кованая ограда, поблескивавшая на солнце свежей черной краской. Три скульптурных, нетипичной формы памятника стояли рядом, почти касаясь друг друга, два маленьких по бокам и один большой посередине, словно ступени пьедестала. Пьедестала, у которого все победители мертвы.

На самом большом камне Павел увидел знакомое лицо красивой молодой женщины. Астахова Людмила Борисовна. А справа и слева от нее – дети, Астахов Иван Андреевич, погибший в возрасте двенадцати лет, и Астахова Надежда Андреевна, которой всего за несколько дней до смерти ис-

полнилось семь. «Наверное, осенью должна была в школу пойти», – почему-то мелькнуло в голове у писателя. Прелестные личики детей, обрамленные такими же, как у матери, мелкими кудряшками, напоминали дореволюционные рождественские открытки. Видимо, таким образом художник хотел придать умершим детям сходство с ангелами.

«Помолитесь о нас, светлых, съехавших с пути в черную пропасть», – гласила надпись на каменной ленте, полукругом обнимавшей все три памятника.

Так вот почему лицо Лериного мужа показалось ему вчера знакомым! Это же Андрей Астахов! Только недавно Павел видел его фото в деловом журнале, который читал в самолете. Лично они никогда знакомы не были и не встречались, если не считать нескольких мероприятий, на которых оба присутствовали, но никто их друг другу не представлял, тем не менее представление о бизнесмене у писателя имелось – благодаря общим знакомым. Лет пятнадцать назад подруга Эльки Королевой, жены Димки, однокурсника Павла, удачно вышла замуж – за своего босса, владельца тогда еще не столь раскрученной, но набиравшей обороты фирмы. Естественно, что и тогда, и позже, когда Астахов уже пошел в гору, в их компашке много говорили о том, как этой девушке, ее звали Людой, повезло. Павел помнил, как зеленели от зависти, обсуждая их брак, девчонки и как лет через семь эти же девчонки, уже повзрослевшие и располневшие, злорадствовали, когда стало известно, что Астахов напропалую гуляет

от жены. Помнил писатель и саму Люду, он видел ее на дне рождения Эльки, давно, когда та была еще всего лишь секретаршей, а не женой олигарха. Да-да, красивая такая была девчонка, натуральная блондинка, и формы, как у Мэрилин Монро. Помнится, он даже танцевал с ней и хотел проводить домой, но она отказалась, сказала, что ее будут встречать на машине... А теперь та самая Людка, танцевавшая с ним медляк и не позволившая себя проводить, смотрела на него с могильного памятника. Воистину, неисповедимы пути Господни!

Да, не зря Павел посетил эти могилы – ему многое стало известно. В том числе и то, что Астахов действительно заезжал сюда вчера – об этом говорили чуть привядшие роскошные букеты на каждой из могил. А к памятнику дочки заботливый отец положил еще и леденец на палочке, и эта деталь по-настоящему тронула писателя. Видимо, любила несостоявшаяся первоклассница такие леденцы... Но главным открытием, конечно, было не это. Теперь Павел окончательно убедился, что жена и дети Андрея Астахова погибли меньше чем через три месяца после того, как две женщины в ресторане прогнозировали их смерть. Что это – невероятное, из ряда вон выходящее совпадение? Или... Или убийство? Такая смерть, конечно, может оказаться несчастным случаем. Но равновероятно это может быть и тщательно спланированное убийство. Да, полиция ничего не заподозрила, но это ничего не значит. Наверняка те, кто расследовал проис-

шествие, ничего не знали ни о Лере, ни о Светлане и их подозрительном разговоре в ресторане. А он знал. И понял, что с этой минуты должен, просто обязан докопаться до истины.

Покидая кладбище, он снова прошел мимо саксофониста и неожиданно сам для себя дал ему пятьсот рублей. Музыкант благодарно, но с достоинством кивнул, моментально спрятал купюру в карман и заиграл «Есть только миг между прошлым и будущим».

Озадаченный Павел поспешил вернуться в отель и отыскал в своем номере тот журнал, который читал в самолете, – по счастью, он еще его не выбросил. Вот оно, это интервью на развороте. К сожалению, никакой личной информации, разговор только о компании Астахова, о бизнесе в России и за рубежом, о политике, о мировом финансовом кризисе. Зато фото не оставляло сомнений – это именно он. Снимок, по всей видимости, сделан несколько лет назад или же сильно обработан в фотошопе – здесь он моложе, почти без седины, да и лицо счастливое, улыбающееся, – но все-таки это тот самый человек, которого он, Павел, видел вчера в ресторане.

Он потянулся за ноутбуком, вышел в Интернет и набрал в поисковой строке «Андрей Астахов». Примерно через час, большая часть которого ушла на отсеивание лишней информации (все-таки Астахов – фамилия весьма распространенная), он уже знал много интересного. Привыкший все структурировать и систематизировать, писатель разделил для себя информацию на две части: факты и сплетни. Факты, как им

и положено, были сухи и конкретны. Выяснилось, что Астахову сорок шесть лет, двадцать три из которых он занимается бизнесом, владеет крупной компанией «Глобал Трейн». Сынок богатых родителей (и отец, и мать работали во Внешторге, и не где-нибудь в Монголии, а в европейских капстранах), бывший комсомольский деятель, в перестройку Андрей быстро сориентировался, откуда и, главное, куда дует ветер перемен, и сумел сколотить себе немалое состояние на торговле цветными металлами. На сегодняшний день, по данным журнала «Форбс», в рейтинге самых успешных людей России он занимал тридцать седьмое место. Судя по всему, человек жесткий, волевой, отлично умеющий добиваться своего, что называется – сильная личность.

Открыв в «Ворде» новый файл и озаглавив его «Бизнес Астахова», Павел скопировал туда все цифры, названия, имена и прочую конкретику. Конечно, напрямую использовать эти данные в работе он не станет, но будет иметь в виду.

Больше из фактической части ничего полезного извлечь было нельзя – если только косвенные данные о том, что в бизнесе Астахов вел политику решительную и жесткую. С конкурентами не церемонился, ловко подминал под себя слабых и безжалостно уничтожал тех, кто вставал на его пути.

Что касается сплетен вокруг Астахова, то они показались гораздо интереснее, хотя частенько и противоречили одна другой. Если не считать репортажей из великосветской жизни

ни («Андрей Астахов подарил Можайскому детскому дому компьютерный класс», «Астахов выступил на открытии специализированной выставки», «Астахов приобрел «Бентли» и т. д.), то вся информация, датированная прошлым летом и ранее, сводилась к тому, что бизнесмена видели там или сям с очередной новой спутницей, в то время как его жена сидела дома с детьми и нигде не появлялась. Такого рода вещи о нем Павел и сам знал – все от тех же кумушек из своей старой компашки, с наслаждением перемывавших кости Людмиле.

Однако начиная с прошлого августа об Астахове вдруг стали писать намного больше и разнообразнее – естественно, из-за трагической гибели его жены и детей. Большинство журналистов сошлось на том, что это произошло в Испании (хотя, кроме этой страны, еще дважды упоминалась Португалия, один раз – Италия и один – Арабские Эмираты), а вот места указывались самые разные, что называется, от Севильи до Гренады, включая Каталонию, Ибицу и Тенерифе. В датах журналисты тоже путались – от седьмого до двенадцатого августа, но тут писатель был осведомлен лучше их. А вот дальше начинался полный простор творческой фантазии представителей желтой прессы. Версий имелось масса, на любой вкус. Согласно им, жена Астахова Людмила (иногда переименованная писателями в Лидию, Ларису и даже Эмилию) и ее двое (трое, четверо) детей в возрасте от нескольких месяцев до шестнадцати лет утонули, катаясь на катере (сорвались в пропасть во время восхождения на гору, отрави-

лись морепродуктами или разбились в автокатастрофе). Про автокатастрофу упоминалось чаще всего, поэтому писатель решил, что так, скорее всего, и было и Галина оказалась права. Однако в деталях и причинах аварии также наблюдался полный разброд и шатание: от традиционно отказавших тормозов до того, что Людмила, находясь под действием наркотика, выезжала из гаража и сама передавила машиной всех своих детей, а потом с горя покончила с собой, приняв смертельную дозу все того же наркотика.

Читая все это, Павел только усмехался. Журналист по образованию, имеющий некоторое представление об «акулах пера», он так и видел перед собой всех этих борзописцев, которые в погоне за «жареной» информацией, услышав звон, да не зная, где он, торопятся скорей-скорей опубликовать в своих газетенках, журнальчиках и интернет-порталах непроверенную новость – лишь бы обойти конкурентов хоть на день, хоть на час... К такого рода сведениям никак нельзя было относиться всерьез, но некоторое представление о событиях они все же давали.

Писали светские хроники и о новой женитьбе Астахова. Леру (или Валерию, или Викторию) журналисты называли моделью, начинающей певицей или актрисой и, конечно, не отказывали себе в удовольствии вдоволь позлорадствовать как над недолгим сроком вдовства Астахова (они расписались спустя всего полгода после гибели Людмилы), так и над состоянием невесты, которая была уже буквально на сносях,

дохаживая последние месяцы беременности. Несмотря на то что свадьбу устроили скромную и малолюдную, вездесущие писаки, разумеется, узнали о ней, и не было недостатка в фотографиях Астахова в черном костюме с букетом в руках и мрачным выражением лица, а рядом с ним Леры, большого живота которой не могло скрыть даже роскошное платье, сшитое, как утверждалось, в Париже.

Павел просидел за ноутбуком до глубокой ночи, копируя тексты, внушавшие ему наибольшее доверие, и аккуратно перенося их в собственные файлы. Это все тоже пригодится ему в работе. Похоже, его «писательское расследование», как он сам для себя это назвал по аналогии с журналистским расследованием, сдвинулось с мертвой точки. И Павел уже очень хорошо представлял себе, каким должен быть его следующий шаг.

* * *

Тусовка в ночном клубе затянулась, и домой Лера вернулась хорошо за полночь. Хотела как следует отоспаться утром, но не тут-то было – Борька с рассвета поднял крик и никак не унимался. Она уже и дверь закрывала поплотнее, и уши берушами затыкала – ничего не помогало. Пришлось встать.

– Оляка, да уйми ж ты его! Ну что он у тебя все утро орет как резаный? – прокричала она, перегнувшись через перила

второго этажа.

– Не могу, Лера Дмитриевна! – пропищал откуда-то снизу расстроенный голосок. – Никак не успокоится! Сама уже вместе с ним плачу, а сделать ничего не могу. Врачу звонила, она сказала, что так бывает, когда зубки режутся, велела лекарство давать, которое в тот раз выписала. Но я его Боречке даю, а он не хочет пить, ложку отталкивает...

– Значит, силой влей! Вот ты дура набитая! Тебя для чего наняли? Чтоб ты с ним вместе ревела? Быстро успокоила ребенка! Или вылетишь отсюда на хрен!

Возвращаясь в спальню, Лера продолжала костерить безмозглую няньку – надо же быть такой тупой! Испортила ей весь выходной. В принципе у нее и будней-то не бывало, поскольку она давно не работала. Но в календарные выходные, в субботу и воскресенье, Андрей был дома, а это означало постоянные претензии, недовольства и ссоры, так что уик-энды давно превратились для Леры в будничные рабочие дни, а с понедельника по пятницу она «отдыхала» от своего супруга и всяческих обязательств. Отсыпалась, потому что никто не перетирал ей мозги по поводу того, что нужно встать пораньше и заняться ребенком. К чему им заниматься? Для этого Олька есть. Обычно она справляется, ребенка не видно и не слышно. Только сегодня, как назло, никак уговорить его не может, аж на втором этаже слышать. Дурдом!

Хлопнувшись опять на широченную кровать с водяным матрасом, Лера сунула голову под подушку в шелковой на-

волочке с розовыми цветами и поплотнее придавила ее сверху кулаком. Так стало потише, и вроде даже удалось задремать. И тут же – вот ведь запахло какое! – приснился родительский дом. Этого еще не хватало!

Жизнь в родном городе Лера вспоминала как страшный сон. Папашка ее, Дмитрий Алексеевич, которого все знакомые, от стариков до детей, звали просто Митяем, пьет почти беспробудно, заливает внутрь все, что горит. Да и как же ему не пьянствовать, когда он грузчиком в продуктовом магазине работает, каждый день и вино, и водку, и все остальное туда-сюда ящиками таскает! Сколько заработает – столько и пропивает, жить не на что. А мать – серая мышь, слова против никогда сказать не может. Который уж год на почте у себя вкалывает, заказные письма и бандероли перебирает, а зарплата копеечная. Лера так и не поняла, как получилось, что отец на ней женился, и что он в ней нашел. Сам-то он, судя по фоткам, старым, черно-белым еще, в молодости парень был что надо – высокий, плечистый, симпатичный. Лерка, на свое счастье, в него пошла. А мать – глядеть не на что: маленькая, сухонькая, страшненькая. Так нет – женились, да еще и двоих детей заделали – ее, Лерку, да сеструху Катю, ту еще идиотку. Предки до сих пор живут вместе, хотя что это за жизнь? Как вспомнит Лерка те «семейные» вечера, так вздрогнет – один пьет и матом орет, а бывает, еще и с ножом порой кидается, а другая только слезы в три ручья льет да лепечет что-то невразумительное. Лерка-то терпеть

отцовских выходок не собиралась. Быстро смекнула, что к чему, и как чувствовала, что отец снова в штопор входит, так быстро к подружке улепетывала, к Таньке.

У той дома совсем другой коленкор, родоки – интеллигенты, отец – тренер в спортивной школе, мать аптекой заведует. Жили хорошо, дружно, не ругались никогда, в единственной дочке души не чаяли. Лерке со стороны казалось – не жизнь у Таньки, а сплошной кайф. Она всегда с радостью из дома к подружке сваливала и там как сыр в масле каталась: и пироги тебе, и борщ наваристый, и фрукты, и конфеты шоколадные, и магнитофон, и шмоток полон шкаф – за вечер все не перемерить. Одно только плохо было у Таньки – предки ее Лерку недолюбливали, считали, что она на их дочурку плохо влияет. Смешно, честное слово! Кто на кого влиял – это еще вопрос. Танька их все раньше Лерки начинала – и курить, и пиво пить, и с парнями трахаться. А как школу окончила, так тут же в Москву ускакала, никакого образования не получила, не то что в институт, о котором ее предки днем и ночью мечтали, поступать не стала, а даже в училище не пошла. Не то что Лерка, которая в своем колледже честно, как пионер, три года отмучилась, специальность товароведа получала, химичке преданно в глаза заглядывала, чтобы та, кобыла старая, ее хотя б на трояк натянула.

Да, туго ей пришлось, когда Танька в столицу свалила. Переночевать стало негде, приходилось с папашкой воевать. Катька вон нашла выход – замуж выскочила. Сеструха ее

на пять лет старше, а жениха себе подобрала вовсе старпера, хорошо за сорок, его все уже по имени-отчеству звали: Михал Владимыч. Росточка небольшого, ниже Катерины, толстенький, кругленький и плешь вполголовы. Правда, с деньгами, собственный магазин сантехники у него. Поначалу всем нравился, улыбочивый такой и вроде не жадный. Катька дома засела, двоих детей ему друг за другом нарожала, как будто все ничего – и вдруг начал он сеструху побивать. То ли из ревности, то ли так просто, но та как в родительский дом ни придет – все с новым фингалом. Лерка хорошо запомнила, как однажды Катька расплакалась и, всхлипывая, пропищала таким же безжизненным, как у матери, голоском:

– Лерочка, да что ж это такое? Я замуж от скандалов бежала, а к ним же и прибежала. Кабы знала, что так будет, ни за что б за него не пошла. Сняла бы себе комнату и жила бы отдельно, как королева.

Запали тогда Лерке в душу эти слова – а может, и правда свалить от предков? Вон Танька в Москве нашла себе богатого спонсора, живет и в ус не дует. Только как же она, Лера, Игорька оставит?

Игорек был первой Лериной настоящей любовью. До него у нее вообще никогда не случалось проблем с парнями. А чего? Поклонников хоть отбавляй. Особенно после того, как она в девятом классе попала на районный конкурс красоты и заняла первое место. Дальше этого дело не пошло, но все

равно для подруг и мальчишек из школы она навсегда превратилась в первую красавицу. Все девчонки в классе ей завидовали – а то! Высокая, фигурка как у Барби, стройная, животик плоский, и впереди гордость – пятый размер. Ну просто не девочка, а совершенство, никаких изъянов, если не считать легкой близорукости.

На нее стали заглядываться, когда ей еще и четырнадцати не было, но, в отличие от Таньки, Лерка не спешила расставаться с девственностью, понимала (чутьем, не разумом, разума у нее тогда и в помине не было), что успеется. Конечно, встречалась с пацанами, но все было несерьезно: так, в подъезде обнимались, целовались да тискались. Ничего больше Лера парням не позволяла, да и подпускала к себе далеко не каждого, только лучших. Уж с такой-то красотой можно и повыбирать.

Курить Лерка начала с одиннадцати лет, с тех пор как соседские пацаны за гаражами научили ее правильно затягиваться. А вот пить не пила – не хотелось уподобляться отцу. Да и денег на спиртное не было, разве что джин с тоником с девчонками покупали, и то по праздникам. Не на что было особо гулять-то. Вообще недостаток денег Леру очень огорчал. Пусть у них во дворе никто хорошо не жил, бизнесменов в окрестных домах не было, но ей казалось, что их семья еще хуже других. Новые шмотки ей, наверное, раз пять в жизни покупали, не чаще. Все остальное Лера донашивала за сеструхой Катькой или за Танькой. Оставалось только утешать

себя тем, что на ней все вещи сидят гораздо лучше. Но даже не имея возможности принарядиться, как умела следила за собой. Уж лучше совсем не прийти в школу, чем заявиться с ненакрашенными ногтями или неподкрученной челкой! Лак для ногтей и косметику покупала самые дешевые, зато яркие, глаза и губы намалевывала так, что за версту было видно. Училась, разумеется, так себе – а чего стараться-то? Ну, оставят на второй год, подумаешь! Потом-то все равно переведут в следующий класс, куда они денутся.

После девятого класса батя попытался было построить дочь, лепетал что-то там про будущее после очередной бутылки, да кто ж его слушать станет? Лерка сама решила идти учиться на товароведа. А что? Окончит колледж, пойдет работать куда-нибудь в большой магазин, духами торговать или шмотками, при деньгах будет. Уж скорей бы! Бедность просто замучила. У матери как ни выклянчивай – ни копейки не даст, только плачет. С отцом дело обстояло лучше, он иногда подкидывал, если вовремя попросить. Тут важно было выгадать момент, успеть именно в ту минуту, когда он уже пьяный, но не слишком. Рано попросишь – откажет, трезвый еще, а поздно – уже башню снесло.

Вот так и в ту заветную субботу, удачно попав в золотую середину процесса отцовского опьянения, Лерка вытянула с фазера денег и тусовалась с Танькой в центре города, в парке. Погода была отличная, солнечная, теплая – настоящая весна, уже и почки на деревьях лопаться начали. Банка джи-

на с тоником подняла настроение еще на градус. Они шли по аллее, громко смеясь над всякой фигней, когда Танька вдруг радостно завопила:

– Колька! Приехал!

Лера тоже посмотрела в ту сторону и увидела двух парней лет двадцати пяти. Взрослые, высокие такие, здоровые, как шкафы. Даже немного не по себе стало. Ей, шестнадцатилетней, привычнее общаться с ровесниками, многие из которых были худенькими и маленькими, иногда и на голову ниже ее. А тут – настоящие богатыри, плечистые, в кожаных куртках. Как в кино!

Кольку Лера никогда не видела, но много слышала о нем – от Таньки, разумеется. Он был ее соседом по лестничной клетке, и Танька все детство (тогда они еще с Леркой не дружили) по нему сохла. Потом, когда он школу окончил и после армии в Москву уехал, влюбленность, конечно, прошла, но память осталась. Танька нередко вспоминала о нем, мол, Коля то, Коля се, и Лерке всегда хотелось на него посмотреть. И вот – явился, не запылится.

Рассмотрела – и отвернулась. Колька на Леру никакого впечатления не произвел. Белобрысый, некрасивый, лицо широкое, в каких-то рябинах, совсем не в ее вкусе. А вот друг его – это да! Волосы густые, темные, но не черные, а глаза зеленые – обалдеть! Ну просто красавец, а ресницы какие длинные, прямо аж дух захватывает. Лера почувствовала, как внутри стало теплее, а когда узнала, что Игорь – мест-

ный, на душе полегчало: у нее есть шанс. Стараясь привлечь к себе внимание, говорила весь вечер, несла какую-то ерунду, даже вспомнить стыдно. Но он, видно, все-таки клюнул, потому что изредка бросал на нее короткие, согревающие сердце взгляды. Под конец вообще повезло – выпив еще по одной банке джина с тоником, Танька все-таки вспомнила, что пора домой. На перекрестке разошлись – жили подруги на разных улицах. Танька, естественно, ушла с Колькой, а Игорь отправился провожать Леру. Шли по большей части молча. Он вообще рта не раскрывал, а она понятия не имела, о чем говорить наедине с этим взрослым парнем, практически мужчиной. Ну как его заинтересовать, чем? Пока раздумывала, подошли к подъезду. У Леры забилося сердце. Сейчас начнется! Сначала поцелует «на прощание», а потом...

– Ты телефончик мне свой не оставишь? Я позвоню, – сказал он.

Какой, на фиг, телефон? Папаша давно уже в пьяном порыве все провода оборвал. Да и платить нечем, сидим без денег, вон за квартиру уже полгода не плачено, если не больше. Лера уже открыла рот, чтобы выпалить все это своему новому знакомому, но подумала – а вдруг это его отпугнет? Никогда еще не стыдилась она своих родителей. Ненавидела – да, презирала – да, но всем, с кем общалась, говорила правду – пьет, бьет. А тут вдруг застеснялась, застыдилась и соврала:

– А у нас телефона нет...

– Что ж... – он, похоже, не очень и расстроился. – Тогда пока.

– Пока...

О поцелуе и речи не было, не то что не обнял – даже не дотронулся до нее. Кусая намалеванные губы, Лера чуть не плакала – ушел и даже не захотел увидаться снова. Все ей осточертело – и этот грязный подъезд с обшарпанными стенами, и похабные надписи с картинками, нацарапанные в лифте, и отец пьяный, чей мат слышен даже здесь, тремя этажами ниже. Только сердечко затрепетало при виде нормального, настоящего человека, как он ушел. Покулив для снятия стресса, тяжело вздохнув, уныло поплелась домой. Всю ночь проревела, а утром решила: ну и пожалуйста! Не очень-то и хотелось. Мало, что ли, парней на свете? Да я захочу – у меня будет в десять раз лучше. В сто! В тысячу! Подумаешь!..

Не стала думать об Игоре и, верно, забыла бы о нем, если бы не Танька. Та на другой же день прискакала и пристала с расспросами, что да как у них вчера с Игорем было.

– Тебе какое дело? – грубо ответила Лера.

Но подруга ничуть не обиделась, а вдруг призналась:

– Понимаешь, они мне оба нравятся... И Коля, и Игорь. И никак не решу, кто больше. Вот я и спросила – если у тебя с Игорем что-то началось, то я на Кольку переключусь, а если нет...

И тут Леру точно кипятком обожгло. С какой стати она должна уступать Игоря подруге? Он ей первой понравился.

И вообще...

– У нас все тип-топ, – хитро прищурившись, наврала она.

– Правда? – огорчилась Танька. – То-то Колька сегодня нас обоих позвал гулять с ним и Игорем... Из-за тебя, значит?

– А то!

Этим же вечером они встретились снова, а потом еще и еще... Танька скоро забыла о своем интересе к Игорю и вплотную занялась Колей.

«У меня на него виды! – говорила она. – Мне он позарез нужен. Я с ним в Москву укачу. И вообще, я его с детства люблю».

Оставалось только недоумевать – куда это собралась подруга, зачем? При таких-то родителях, которые и одевают-обувают, и в институт пристроят, и работу хорошую найдут, денежную и непыльную. А в столице кто ее ждет, кому она там нужна – без родни, без друзей, без профессии, без образования? Но для Таньки точно свет клином сошелся на этой Москве. Хочу – и все! И хотя с Колькой у них так ничего и не получилось, она все равно туда укатила, сразу же после выпускного. В самый сложный момент, гадина, бросила подругу, улепетнула в свою Нерезиновую, когда тут на личном фронте не разберешь, что творится...

Леру и раньше удивляло, почему Игорь так редко встречается с ней – только раз в неделю, вечером по пятницам. И в постель ее не тащит, хотя у них вроде любовь и все такое...

Все подружки в один голос твердили, что взрослому парню нужен секс, не будешь ему давать – он тебя бросит, найдет другую, поговорчивей. Лера уже и настроилась, но Игорь отчего-то не делал первый шаг, а сама предлагать себя она не решалась.

Была последняя пятница июня, Танька только что уехала. И когда они вместе гуляли по берегу реки, Леру потянуло вечером выяснить отношения с Игорем – почему у них все так и почему они встречаются так редко. Он долго молчал, а потом вдруг выдал:

– Давно пора было тебе сказать. Я... В общем, я женат.

Сделав по инерции несколько шагов назад, она вдруг развернулась и убежала. Глупо, конечно, даже не ответила ничего, но во рту пересохло, а в голове не нашлось ни одного слова, которое можно было бы сказать в подобной ситуации. Всю дорогу мчалась, точно за ней волки гнались, и, оказавшись дома, не почувствовала никакого облегчения.

Два дня Лера проревела, не выходя из комнаты. Даже мать – курица слепая – и та поняла, что с дочерью неладное творится. Стала стучать в дверь:

– Лер, ну ты хоть поешь выйди!

– Отстань! – зашвырнув в дверь подушкой, со злобой орала Лера.

– Да чего ты все реवेशь да реवेशь? Случилось, что ли, чего? Не залетела ли, сохрани господи?

– Да пошла ты!

От ненависти к матери ее просто наизнанку выворачивало. На то, что у Леры несчастье, ей плевать, беспокоится только о том, чтобы принесенный дочерью «в подоле» ребенок не осложнил ее собственную жизнь.

Какой там ребенок! Лере, видимо, суждено помереть старой девой – это с ее-то внешностью!

«Игорь женат, значит, никогда не будет моим...» – думала она. И вдруг на третий день ее осенило. А почему, собственно? Что мешает ему развестись? Неужели его жена лучше Леры, красивее ее? Вряд ли. Ей ведь, наверное, уже столько лет, сколько ему, – значит, старая, ну почти старая. И наверняка толстая, распутившаяся курица. И ей – такой вот – отдать Игоря, ее, Лериного, Игорька? Ну уж нет! Надо бороться за свое счастье и отбить любимого! Взглянув на себя в зеркало, она охнула. Бледная, с опухшими от слез глазами, красными щеками, растрепанными волосами. Нет, к такой точно никто не уйдет, надо срочно взять себя в руки. Через полчаса ледяные примочки убрали опухлость и красноту глаз. Лера накрасилась, подкрепилась яичницей и вдруг повеселела. Вернулся ее всегдашний пофигистский настрой – а, будь что будет!

В пятницу, ровно в семь, она стояла на привычном месте их встреч, возле скрюченной березы на берегу, и смотрела на воду. А когда подошел Игорь, с размаху бросилась ему на шею.

– Ты говорил, что у тебя друг в деревню уезжает? – спро-

сила она.

– Ну да, Серега. Едет с семьей на все лето. А что?

– А то. Поговори с ним, может, он нам ключи от квартиры оставит.

– Чего? – он изумленно, но явно радостно посмотрел на нее.

– А того, – засмеялась она, и вдруг все стало нипочем. – Не на улице же нам...

Два года пролетели как два дня. Два года их отношений, ее ожиданий, терпения и постоянного оправдания себя и его. Теперь они встречались чаще, и встречи эти были бурными, не чета прежним невинным свиданиям с одними поцелуйчиками да прогулками за ручку. Когда пришла осень и друг вернулся из деревни, жизнь превратилась в постоянный поиск места для встреч. Где только они не занимались любовью! И у нее дома, когда не было родителей, и в квартирах друзей и подруг, и по каким-то чердакам и подвалам, и на берегу реки... И даже на улице, когда стемнеет.

Секс Лере нравился, а вот то, как развивались их отношения, – не очень. Разводиться с женой Игорь не спешил, и Леру угнетала эта неопределенность. Она уже начала завидовать подругам, легко и, как ей казалось, хвастливо бросающим в разговоре слова «мой парень». К окончанию колледжа почти все ее сокурсницы повыходили замуж или по крайней мере обзавелись парнями, только она – первая красавица! – оставалась одна. Ну, пусть не одна, но не было рядом муж-

чины, который засиживался бы с ней допоздна и оставался на ночь, который проводил бы с ней праздники, которого, наконец, просто можно было бы показать девчонкам, похвастаться, похвалиться. Город небольшой, все под одним одеялом спят, а ей даже рассказать о своем Игоре нельзя никому. Ходит как неприкаянная – и с другими парнями не связывается, и своего не показывает. Разве не унижительно? Но пойти куда-то вместе было никак нельзя, он дал ей это понять с самого начала.

– Меня Машка на свадьбу пригласила, только там все парами будут, – завела она разговор где-то через месяц после того, как у них «все случилось». – Пошли со мной, а?

– Лер, ну ты же знаешь, я не могу, – покачал головой он. – Там наверняка будут общие знакомые...

– Боишься семейного скандала, да? А развестись и быть только со мной слабо? Или ты так и будешь продолжать работать на два фронта – и со мной, и с ней, с этой твоей Нат... – она запнулась. Странно, даже имя этой женщины не выговаривалось.

Игорь обнял ее.

– Ты же знаешь, котенок, что я люблю только тебя. Ну мне жалко ее, еще ребенок маленький. Если б детей не было, я бы не раздумывая давно ушел. Дай мне время!

– И... и ты уйдешь? Ты будешь со мной? – с надеждой заглянула она в любимые изумрудные глаза.

– Конечно! Неужели ты думаешь, я вечно буду вот так?

Думаешь, мне так нравится? Да я только и думаю о том, как бы к тебе убежать. Подожди немного, малыш, ладно? – Он поцеловал ее в курносый нос, и Лера счастливо засмеялась. От сердца отлегло.

Но шло время, месяц за месяцем, прошел год, потом два – а ничего не менялось. Игорь все так же травил душу обещаниями, она все так же терпеливо ждала. Противная была жизнь, серая, бессмысленная. Хорошо, пьяный случай отрезвил ее: как-то, напившись в зюю на дне рождения Ирки, подруги по колледжу, Лерка решила поставить все точки над «і». Случайно увидев дома у Ирки городской телефонный справочник, она поначалу из спортивного интереса поискала фамилию Игоря и нашла его домашний номер. Тут и промелькнула бредовая идея: а не поговорить ли с его женой ей самой? Раз уж он никак не решается... Игорь уже два месяца все искал подходящего момента для такого разговора, но момент никак не наступал. А тут представляется отличный способ помочь любимому! Он еще спасибо ей скажет...

После недолгих гудков на том конце провода послышался женский голос:

– Але?

– Это Наталья? – чуть невнятно из-за выпитого спиртного спросила Лера.

– Да, я. А кто это?

– Меня зовут Лера. Вы знаете, Наташ, мы с вашим мужем любим друг друга! Отпустите его. – В трубке повисла тиши-

на, и Лера, приободренная молчанием, продолжила: – Мы же с вами женщины и понимаем друг друга, правда? Не надо только скандалы устраивать! Ну не подходите вы друг другу, ну что поделать...

Железный голос пресек ее пьяный лепет:

– Лера, вы знаете, моего мужа никто не держит. Если вы действительно любите друг друга, то я желаю вам только счастья. А теперь, извините, мне пора укладывать сына.

Трубка противно запищала, и Лере вдруг стало не по себе. Как-то не вышел разговор, не надо было звонить... Ай, да ладно, наплевать. Все хорошо, все прекрасно. Теперь жена в курсе, и все проблемы решатся.

Однако утром все предстало в ином свете. Едва открыв глаза и вспомнив подробности вчерашнего звонка, Лера почувствовала дикое желание снова забыться сном, а проснувшись, понять, что этот ее поступок оказался всего лишь ночной грезой. И ничего не было, не было, не было... Засунув голову под подушку, она старалась изо всех сил отвлечься от дурацких воспоминаний, но проклятая совесть теребила и не давала покоя. Что скажет Игорь? Зачем она это сделала? Вот, блин, еще ведь думала, что после третьей рюмки надо остановиться... Весь день она успокаивала себя, нервно глядя на часы: завтра все образуется, я встречу с Игорем, и все будет по-прежнему. А может, она ничего не сказала ему о звонке? Ну, может же такое быть... А если так, то это хорошо или плохо?

Следующим вечером, в семь часов, она ждала его на «их месте» – на берегу, возле той самой скрюченной березы, на которой они давным-давно выцарапали надпись «Лера + Игорь». А красиво получилось! Даже просто написанные вместе, их имена смотрятся красиво, не говоря уже о них самих, об их красивой любви. И все у них красиво, все, кроме его жены и сына и кроме того, что она уже битый час сидит под этим деревом, а его все нет. Прошло еще минут сорок, прежде чем она поняла, что он не придет.

Пролетела неделя, вторая... Лера по-прежнему регулярно приходила в семь на «их место». Настал сентябрь, становилось свежо, от реки тянуло холодом. Игорь так и не появился. Разные мысли передумала она за это время – может, нездоров? Или, скорее всего, жена не пускает. Может, пригрозила чем? Все, что угодно, могла принять Лера, только не самое страшное. Нет, он хочет, хочет прийти, рвется всей душой, она-то уж точно знает, она чувствует, просто что-то мешает...

Пару дней она еще ждала чего-то, а потом решила – позвоню ему, и будь что будет. Купила карточку, не без труда нашла исправный автомат. Трубку опять сняла жена, но на этот раз Лера промолчала, не пикнула, хотя давилась слезами, слушая ненавистный голос.

«Пропади ты пропадом, гадина! – думала про себя. – Из-за тебя все так выходит. Чем ты его припугнула? Где его прячешь?»

Вернулась домой, попила чаю, выждала полчаса – и снова на улицу, звонить. Со второй попытки повезло больше – он сам подошел к телефону.

– Это я, – проговорила отчего-то шепотом.

– Ты?! – В его голосе читались и возмущение, и удивление, и неприязнь. – У тебя совсем мозгов нет, что ли? Зачем ты сюда звонила? Дура! Сейчас зачем звонишь?

– Прости, я хотела как лучше, это больше не повторится, честно-честно, – защебетала она, еще надеясь все поправить. – Я соскучилась!

– А я нет, – отрезал он. – И не звони сюда больше, забудь этот номер и меня! Чтобы я тебя больше не слышал и не видел, ясно?

И бросил трубку так быстро, что Лера даже не успела понять смысл его фразы. Села прямо на грязный асфальт у телефонной будки и так сидела еще минут пять, застыв, не веря своим ушам. Только тонкими струйками текли слезы из глаз, подхватывая жирные комки туши с ресниц, и растекались по щекам грязной жижей. Это все? Так и заканчиваются отношения? Ее обозвали душой... Да так оно и есть. Умные не остаются вот так, ни с чем, не отдают все самое лучшее, что есть у них, всю себя целиком, не доводят отношения до такого... Хотела напиться, выгребла из карманов все деньги – хватило лишь все на тот же джин с тоником.

Утром, выходя из дома, Лерка разглядела в тусклом свете, упавшем с улицы через открытую дверь (лампочек в их

грязном подъезде сроду не было), что в почтовом ящике что-то белеет. Открыла погнутую дверцу и вытащила письмо – конечно же, от Таньки, из столицы. Больше писать Токаревым было некому. А Татьяна не реже чем раз в два месяца давала о себе знать. В Нерезиновой ей сразу повезло – в первые же дни устроилась работать на какой-то Черкизон (рынок, как поняла Лера), нашла жилье, стала зарабатывать бабло, приоделась. А через месяц уже и спонсора завела, Алика, владельца нескольких контейнеров. Нестарый еще, всего тридцать два, богатый и даже красивый – Лерка видела фотку. Что еще надо? А то, что он женат, плевать, жена-то дома, в Азербайджане. И пока он раз в полгода семью навещает, Танька в Москве по ночным клубам отрывается.

Каждое такое письмо вызывало у Леры острый приступ зависти. Но она все равно читала их и перечитывала, пытаясь представить себе, какая она, эта Москва. Танька писала, что там каждый вечер на домах иллюминация, видно все как днем и красиво – мама дорогая! На всех улицах сплошь бутики и рестораны, машин пропасть, и все больше иномарки, в подъездах светло и чисто, в том доме, где они с Аликом квартиру снимают, даже консьержка есть. Да уж, богатая жизнь в Москве, ничего не скажешь, богатая и счастливая...

Это письмо отличалось от других всего парой строк, но зато каких! После уже ставших привычными описаний красот столицы и подробного, со всеми деталями, перечня обновок, купленных для нее Аликом, подруга вдруг добавила:

«Слушай, Лерка, а чего ты засиделась в нашем Задрьпинске? Нет, я понимаю, не всем Москва по зубам, но ты уж точно не для нашего захолустья родилась. Давай тащи сюда свою прекрасную попенс, я на первых порах помогу тебе устроиться. Алику как раз продавщица на белье нужна. Снимем тебе какую-нибудь хатку, а дальше видно будет».

Положив письмо, Лера задумалась – а почему бы ей и впрямь в Москву не поехать? Что ее здесь держит? С Игорем вон оно как обернулось, а больше никого на примете нет, кругом одни придурки, наркоши да алкаши вроде ее бати. Который, похоже, до белочки допился, несколько раз уже чертей ловил. Матери, кроме внуков, никто не нужен. Колледж Лера окончила, на работу пока не устроилась. А в Москве – красота, тусовки, деньги рекой текут. Словом, тут и раздумывать не стоит. Валить, валить и еще раз валить! Сегодня, сейчас, сию минуту, на ближайшем поезде до Москвы!

Момент был как раз самый подходящий. Отца дома не было, еще со вчера загулял, мать с самого утра к Катьке умотала, с внуками сидеть. Самое время смыться, пока никто не пришел читать лекции на тему «каким местом зарабатывают девушки в столице». По поводу денег Лера особо не переживала – она давно знала, где мать прячет от отца свои сбережения – в ящике с нижним бельем. Найдя там конверт и пересчитав его содержимое, присвистнула – ай да мамаша, сколько накопила! Она, Лерка, даже и не в курсах-то была,

что дома деньжат столько. Тут и на проезд хватит, и на съем квартиры, и на мобильник – не будет же она, как идиотка, в Москве без сотового?! Покидала в сумку самые модные шмотки, доставшиеся ей из обносков сеструхи, – муж-то ее бить побивает, а бабки на тряпки дает, хоть в этом повезло. Оделась получше, еще раз покрыла ресницы слоем туши, отчего они слиплись и стали в три раза толще, и уже через полчаса была готова. Осталось только предкам сообщить как-нибудь, чтоб в розыск не подавали, а то еще не хватало дело с ментами иметь... Записку писать? Не факт, что увидят. Отец может задевать ее куда-нибудь по пьяни, а потом и не вспомнит, что и куда.

Смекалка и на этот раз не подвела ее – а что, если мылом на зеркале? Или лучше помадой – это уж батя точно не сотрет, оставит для матери. «Неищите меня, я паехала жить в Москву», – оставила Лера ярко-алую надпись и немного поколебалась – надо ли про деньги сказать, что взяла? «Да ладно, не тупые, поймут», – решила наконец и, довольная собой, вышла из квартиры. Осталась самая малость – купить билет и позвонить с вокзала Таньке, пускай встречает.

Через пару часов Лера уже садилась в поезд. Протягивая толстой проводнице билет и паспорт, не удержалась от хвастовства:

– В Москву еду, в столице буду жить!

Тетка окинула ее снисходительным взглядом и усмехнулась:

– Ну-ну. Знаешь, как моя бабушка говорила? Москва у всей Руси под горой, все туда катится.

Тогда Лера так и не поняла, обижаться ей или нет. И решила забить, ну ее, эту проводницу...

Танька не обманула, встретила на вокзале. Обнялись, расцеловались, всплакнули даже от радости. Потом она потащила Лерку через площадь в метро – а та просто обалдела. Сколько ж тут народу! У них, наверное, во всем городе столько не живет, сколько тут на вокзале ошивается. А машин-то, машин! И шумно – хоть уши затыкай.

Лера думала, что подруга повезет ее к себе, но поехали они не к Таньке, а в агентство недвижимости «АРК». Где выяснилось, что на отдельную, с евроремонт, квартиру в центре, как мечтала Лера, ее денег не хватит. Только на комнату в коммуналке, и то пришлось побегать. Как выяснилось, комнату в Москве снять – целая история...

Несколько дней с утра до глубокой ночи они мотались по городу на метро. Лера уже почти без всякого страха вставала на эскалатор и сходила с него и только не переставала удивляться, какая же она огромная, эта Москва... Им все не везло – то выяснялось, что комната уже сдана, то цена вдруг оказывалась выше заявленной, а случалось, что квартиры, которые они смотрели, выглядели так, что лучше уж на помойке жить, чем тут... На первые несколько ночей Танька, так и быть, приютила подругу. Ее Алики взглядом оценил все достоинства Лериной фигуры, подтвердил, что ему нуж-

на продавщица, и, ухмыльнувшись, намекнул на секс втроем. Танька цыкнула на него, и, слава богу, обошлось.

На четвертый день им улыбнулась удача, не удача даже, маленькое везенье. Комната в Марьиной Роще, в старом доме, двенадцать метров, крошечная обшарпанная кухня, «насмерть убитые» ванна и туалет, и от метро далековато, три остановки, а потом еще пешком. Плюс соседи: за одной стеной – бабка древняя, за другой – семья с малым дитем. Семейка-то, собственно, не соседи были, а хозяева – комната принадлежала им. Наверняка ждали, пока бабка помрет, чтобы всю квартиру себе захватить, а пока комнату сдавали, деньги на ремонт копили.

И комната, и особенно хозяева, Валентин и Марина, Лере совсем не понравились, но выхода не было. Остаться у Таньки дольше было нельзя – Алик уже слишком недвусмысленно поглядывал, и подруга стала напрягаться. Так что пришлось соглашаться на этот вариант. Опять же – какое-никакое, а все-таки свое жилье.

– Ну, на первое время сойдет! – заключила Танька, окинув взглядом тахту, стол, шкаф и единственный стул – все старенькое, еще с застойных времен. – Давай располагайся, и пойдем выпьем, что ли? В центре потусуемся...

Лера, конечно, спорить не стала. А чего спорить? Все так начинали. И Танька вон говорит, что тоже сначала в коммуналке жила и копейки считала, зато сейчас на нее посмотреть – фифа такая: плащ модный, под крокодильную кожу, каблуки,

наверное, сантиметров двадцать, колготки в сеточку. Прямо загляденье, а не Танька – хотя по сравнению с ней особой красотой не отличается. Вот если б ее, Лерку, так же одеть, она вообще была бы полный отпад... Ну, ничего, все еще впереди, держись, Москва.

Танька как будто слышала ее мысли – оценивающе оглядела и говорит:

– Придется тебе надо, а то шмотье на тебе висит, как на вешалке. Ты облегачающее носи, посексуальнее. Ничего, вот пойдешь работать на рынок, там себе тряпок подберешь.

Лера смутилась и даже немного обиделась. Конечно, на ней все висит – вещи-то Катькины, а сеструха на два размера крупнее, да и кофты все от времени порастянулись. Ну да ладно, Танька же добра желает, надо прислушиваться, а не психовать попусту.

Работа на Черкизоне – действительно рынке, правильно Лера дотумкала – оказалась не ахти какая. Прямо сказать, тяжелая работа. Вставать приходилось рано, толкаться в час пик в метро, приехав, ворочать тяжеленные сумки с товаром и целый день смотреть, как бы не сперли чего. Тетки подходят, лапают лифчики, лапают и не берут – а ей потом пятна отстирывать, да так, чтобы вещь товарный вид не потеряла.

На второй же вечер после работы Алик зажал ее в углу за занавеской, и Лера, прикинув, что и как, не стала отбиваться. Конечно, нехорошо будет, если Танька узнает... А с другой стороны – ну почему всегда ей все, а Лерке ничего?

Она надеялась со временем занять Танькино место, но что-то никак не получалось. Конечно, Алик был к ней снисходителен, закрывал глаза на ее промахи да деньжат понемногу подбрасывал – и все. Ничего больше. А вскоре и вовсе уехал домой, не заладилось у него что-то. Танька-то опять в выигрыше осталась – он ей и бабла подкинул, и квартиру съемную до конца года оплатил. А Лерке пришлось к другому хозяину переходить, к Карэну. Тот пожилой был и сволочь редкая, за каждую оплошность из зарплаты вычитал. Лере и так еле хватало на гулянки да оплату хаты, а он еще жмотился. Хорошо, она наострилась, пока хозяин не видит, продавать подороже, да заначку себе в карман прятать. Правда, имела с этого немного, да из-за такой мелочовки постоянно приходилось озираться.

Карэн к ней с нежностями не лез, а с другими у Леры был разговор короткий, чуть что – била по рукам, а иногда и по яйцам. Такого рода «ухаживания» ей на фиг не были нужны. Хочешь что-то получить – сделай девушке красиво, в ресторан своди, подарок подари, тогда, может, чего и обломится.

Дома тоже житье не сахар. За одной стеной бабка всю ночь стонала да охала, спать не давала, за другой ребенок постоянно орал как оглашенный. Марина, мать ребенка, повадилась у Лерки все тырить – то соль ее возьмет, то сахар, то порошок стиральный. Вроде понемножку – а все равно жалко, деньги-то Лера не печатают. И придиралась ко всему – ванную долго не занимай, белье в тазу не замачивай, мне ме-

шает, постиранное над ванной не вешай, покупай сушилку и суши у себя в комнате. За свет нагорало ох как много, видимо, дурили они ее, и ведь не докажешь ничего... Но все это оказалось ерундой по сравнению с тем, что случилось летом, когда Марина со своим спиногрызом смылась на дачу. Валентин, муж ее, почувствовав свободу, сразу приободрился. Дружков к себе понавел, гульбу устроил, и командный тон прорезался. Лера сначала и не поняла, что это он ей из другой комнаты кричит:

– Эй ты, курносая! Ты там яичницу нам не пожаришь? Ну, будь другом, а?

Просьба ее не задела, да и чего задеваться-то – дело плевое, только вот готовить Лера не любила. Она и с предками-то когда жила, на кухне пальцем пошевелить ленилась, а тут тем более. Наглухо затворив дверь, она погромче включила телевизор и сделала вид, что не слышит. Однако отделаться от Валентина так просто не удалось – уже на следующий день появились новые претензии и замечания. «Лерка, а ты чего мою кружку вместе со своей не помыла?» «Стирать собралась? И мое простирни заодно!» «Слушай, мне завтра вставать в шесть, разбуди меня, а? Только понежнее...»

«Началось!» – поняла Лера. И огрызнулась:

– А в рот тебе не плюнуть жеваной морковкой?

Тяжело стало жить с Валентином. Чуть что – грозил погнать с квартиры. А куда она денется? За новую комнату, которую еще найти надо, придется заплатить за два месяца, да

еще и агентству месячную стоимость отдать – а где ей взять такие деньги? Вот и приходилось терпеть. Но если убирать за Валентином и готовить ему Лерка еще скрепя сердце соглашалась, то трахаться с ним не хотела ни в какую. Понимала – добром это не кончится. Вернется Марина – обязательно все узнает, та же бабка донесет. Тогда она, Лера, уж точно с квартиры полетит. И она старалась бывать дома пореже. Тусовалась с подругами в центре, заморачивались с парнями – так, чтобы на их территории.

Вот и тогда, в пятницу, она ночевала в Выхине и домой притащилась только поздним вечером следующего дня. И так устала как собака, еле до квартиры доползла, да еще и хозяин проблем подбросил. Сидел на табуретке на кухне, словно ждал ее, пьяный и злющий-презлющий.

– А, нагулялась, курва? Натрахалась да притащилась?

Лера только грустно взглянула – опять как дома, один в один, только действующие лица другие. Захватила полотенце и мыльно-рыльные принадлежности, и напрямик в ванную. А Валентин все не унимается, идет за ней:

– Слышь ты, ну-ка сейчас же открой дверь! Ты, шлюха последняя! Всем и каждому даешь, а передо мной тут выделяешься! Я сейчас дверь расшибу и тебя вместе с нею!

– Да пошел ты! – выкрикнула Лера в сердцах. – Заткнись! Марина приедет – все ей расскажу!

После этих слов удары в дверь стихли и пьяные возгласы тоже. «Надо же, подействовало!» – обрадовалась девушка.

Однако, как выяснилось, радовалась она напрасно. Этот козел, пока она мылась, повыкидывал все ее шмотки на лестничную площадку. Даже косметику, урод, высыпал. Лерка из душа вышла, смотрит – а он ржет, как конь, и последнее вышвыривает за дверь.

– Теперь катись отсюда, – орет, – и чтоб духу твоего здесь больше не было!

– Ты совсем ненормальный? – пыталась она поспорить. – Ночь на дворе. Куда я пойду?

– А меня не трясет, хоть сдохни под забором, – отвечал Валентин, и девушка поняла, что дальнейший спор бесполезен.

– Так, ладно, давай бабки за полтора месяца, – протянула она ладонь. – Я тебе за полный месяц заплатила, а сегодня только четырнадцатое. И аванс верни.

– Да пошла ты! – оттолкнул он ее руку. – Бабки остальные мне за моральный ущерб полагаются, за то, как ты меня матом из ванной крыла. Так что давай улепетывай, пока я тебе не накостылял.

Сидя в подъезде на сумке, набитой дешевым барахлом с Черкизовского, Лера впервые за все время проживания в столице вдруг подумала: а стоило сюда ехать, чтобы терпеть эти унижения? Сейчас и податься-то некуда, на улице второй час ночи, Таньке с трудом дозвонилась, после того как нашла среди разбросанных вещей свою машину. Подруга сначала долго трубку не брала, потом шепотом сказала «алло», вы-

слушала Леркин рассказ, прерывающийся всхлипами, и ответила:

– Лерусь, сочувствую, но... – Шепот стал еще горячее: – Что я могу поделывать? Я сейчас с *ним*, он только заснул... Давай ты там не раскисай, я утром позвоню!

Вот так всегда – в самый трудный момент рядом никого. Танька, коза драная, в который уже раз ее так бросает! Не успел Алик уехать – она уже другого любовника себе завела, еще богаче. А у Леры – ни спонсора, ни денег, ни крыши над головой. Одно радует – Карэн завтра дал ей выходной, а значит, не придется отпрашиваться и есть время для поиска новой хаты.

Собрала свои пожитки, кое-как распахала по сумкам – счастье еще, что догадалась в свое время пару баулов с рынка прихватить, из тех, в которых товар возят. Села на подоконник, поглядела на летнюю ночь за окном – что делать, куда идти? Снизу слышались шаги. «Кого еще принесла нелегкая во втором часу ночи?» – подумала Лера и заглянула в просвет между перилами. По ступенькам поднимался светловолосый парень лет двадцати пяти – двадцати семи. Шел нетвердо, спиртным от него разило аж за версту. «Еще одного алкаша тут не хватало», – подумала Лера с досадой. Добравшись до того места, где она сидела, между вторым и третьим этажом, парень остановился. Покосился на сумки (да не такой уж он и пьяный, вот стоит и даже не шатается) и сказал:

– Привет. Закурить не найдется?

Лера молча протянула ему пачку.

– А ты чего тут ночью с этим? – сделал он размашистое движение в сторону вещей.

– Да выгнали... – поделилась она.

– Кто? – изумился парень.

– Валентин, из двадцать шестой, я у него комнату снимала. Домогаться, козел, стал, вот и послала на три буквы...

Через десять минут Лера поняла, что нашла хорошего слушателя. Сережа – так звали нового знакомого – принял рассказ близко к сердцу и даже рвался пообщаться с хозяином по-мужски – хорошо, Лера отговорила. Хоть кто-то развеял ее одиночество в этом проклятом подъезде! И никакой он не алкаш – просто встречался со старыми друзьями, выпили, а теперь идет домой, к жене.

Лера горько усмехнулась. Она давно стала замечать, что все нормальные мужики к двадцати пяти годам уже женаты. В детских садах их разбирают, что ли?

Поболтали минут пятнадцать, выкурили по паре сигарет, потом он сказал:

– Ну ладно, ты извини, мне идти надо... А ты такси вызывай!

Лера молча кивнула – не будет же она ему объяснять, что ей и машину-то заказывать некуда. Придется ждать до семи, потом опять Таньке звонить. Продумывая план дальнейших действий, она даже не заметила, как дверь, закрывшаяся за

Сергеем на последнем этаже, через несколько минут снова открылась.

– Лер! – донесся сверху голос одновременно со звуком приближающихся шагов. – Я тебе кофе несу. На, попей, горячий! Домой, извини, не приглашаю, жена бесится, и так пришел поздно. Кружку себе оставь на память! Ну, все, счастливо тебе! – улыбнулся, вложил ей в руки теплую чашку с нарисованным скорпионом – знаком Зодиака – и потопал к себе наверх.

Утром все наладилось. Лера дозвонилась до сонной Таньки, хату сняли даже быстрее, чем в прошлый раз. Новое жилье оказалось не в пример лучше первого. Пусть подальше от центра, в Коломенском, но комната большая, светлая, мебель хорошая, шкаф вместительный. А самое главное достоинство – хозяин Дениска, молоденький паренек, студент-технар. Родители умотали в командировку за кордон на три года, а пацан, видимо, денег решил подзаработать, их комнату посдавать, пока предков нет. Зажила она в Коломенском спокойно, привольно, а через пару месяцев даже бесплатно – Дениска перестал с нее деньги брать, совестился: спали-то в одной постели. Сначала она на него особого внимания не обратила, ну пацан и пацан... Ей как-то всегда по жизни ребята постарше нравились, лет на пять минимум. Но потом узнала, что у Дениса есть девушка, одноклассница бывшая, и это ее подстегнуло – а чем эта телка лучше ее? Тем, что в Нерезиновой родилась? И затащила мальчишку в койку,

благо для этого даже сильно напрягаться не пришлось.

Первое время Дениска на нее надышаться не мог. Послушал ее рассказы, как тяжело ей на рынке приходится, проникся. «Я, – говорит, – обязательно что-нибудь придумаю!» И впрямь ведь придумал. Выяснил, что мать его сокурсника на Новом Арбате бутик держит, и как-то сумел упросить, чтобы Леру туда работать взяли. И ведь взяли! По сравнению с Черкизоном там, конечно, просто рай оказался. Вещи все сплошь красивые, дорогие, покупатели обеспеченные. Капризные, конечно, не без этого, но к капризам Лера и на рынке успела привыкнуть. Там тоже придет иной раз тетка, по виду – колхоз колхозом, а строит из себя королеву, и то ей не так, и это не этак... А ответить ей так, на что она напрашивается, нельзя – от Карэна достанется. В бутике Лера, понятное дело, и думать не думала о том, чтобы нагрубить кому-то из клиентов. Из кожи вон лезла, чтобы всем угодить, тряслась за свое место, понимала – другого такого случая не будет.

Тем более что недавно одну глупость она уже сморозила. А все эта Танька, чтоб ей!.. После того как Алик уехал, Танька ухитрилась в какой-то офис секретаршей устроиться. Сидела там, прохлаждалась, на телефонные звонки отвечала, кофе варила да на компьютере пасьянсы раскладывала, а потом раз – и нового спонсора себе нашла. И снова ей – и квартира, и шмотки, даже отдохнуть в Турцию съездила. Конечно, перспектив у нее с этим Анатолием никаких – же-

натый, но Лера все равно ей завидовала. Вот эта-то зависть ее и подвела. Нет-нет да закрадывались в голову мысли: а что, если увести папика у подруги? Не все же Таньке должно везти, должен когда-то и на ее, Лериной, улице праздник быть. Вскоре и момент подходящий представился. Засиделись втроем у Таньки, выпили, потом Толя домой к жене за собирался и предложил заодно и Леру домой отвезти. Та, понятное дело, согласилась – чем на метро до своего Коломенского добираться, а потом еще пешком топать, куда лучше, чтобы тебя водитель на джипе отвез.

Как сели и тронулись, Лерка ноги вытянула, боком к Толику прижалась, глазками стрельнула – он сразу все понял, под юбку полез. Лерка и отдалась ему в этом самом джипе, на заднем сиденье, не обращая внимания на водилу. Только вот никаких золотых гор за это не получила, Толя довез ее до дома и отпустил восвояси.

А наутро Танька позвонила. Как уж эта коза драная обо всем пронюхала, Лерке и невдомек, может, водила сдал? Но так или иначе подруга принялась на нее орать. Обозвала шлюхой и всяко покрепче, да еще и пристыдила, что, мол, я к тебе всей душой, помогала во всем, а ты... Нет, ну Лерка, конечно, и сама понимала, что глупость сделала, но та тоже палку перегнула, слова сказать не дала, наорала и трубку повесила. Так и закончилась дружба между ними, а жаль – как-никак, а все-таки с Танькой прикольно было, весело, сколько тусовок они обошли...

Без подружки стало тоскливо, тем более что и с личной жизнью тоже напряг. От Анатолия ни слуху ни духу, хотя она собственными руками ему в сотовый свой номер забила. Дениску Лера всерьез не воспринимала, хоть и подумывала иногда о том, чтобы замуж за него выйти. А что? Станет она, Лера Токарева, тогда москвичкой, пропишется в квартире. Родители приедут, а они им – здравствуйте, дорогие мама с папой, любите да жалуйте. Но эти планы она откладывала на потом, пока погулять хотелось. Правда, с Дениской толком и не погуляешь. С ним в люди выходить – стыдно, по виду он пацан пацаном, да и денег у него негусто. А одной ходить тоже стремно. На прежней квартире она хоть неделю могла дома не появляться – никому дела не было, а теперь на каждый раз нужно было отмазки придумывать. Да еще перед кем отчитываться? Перед молокососом, на год ее младше. Смешно даже!

Впрочем, молокосос тоже потом себя показал. Сначала заявил, что родители приезжают, нужно их комнату освободить. Делать нечего – пришлось собирать манатки, которых за это время уже заметно поприбавилось. К счастью, Дениска ее не торопил, успела, все через то же агентство «АРК», новое жилье снять – на этот раз даже отдельную квартирку в Митине, благо зарплата позволяла. Но когда Лера как-то в свободный вечер позвонила Денису и предложила увидеться, он начал мямлить что-то про то, что им лучше больше не встречаться, поскольку они разные люди... Лера была в

шоке. Дениска ее бросил?! С ума сойти! Ну ладно Игорь, он взрослый парень и красавчик, каких мало, может себе позволить. Но этот сопляк!..

Конечно, очень скоро Лера утешилась. Парни на ее горизонте замелькали один за другим, большинство из них она и не помнила теперь. Если только Сережу...

Столкнулись они в метро рано утром – Лерка на работу ехала. Давка в вагоне, духотища. Место занять не смогла, ну и висела на поручне, как селедка в бочке, зажатая со всех сторон. И вдруг поймала на себе взгляд – симпатичный блондин около двери стоит и на нее таращится. Где-то она его видела, только где – никак вспомнить не могла. Скрипела мозгами, скрипела, а все без толку. А он на нее пялится и пялится. Когда после Кольцевой народ рассеялся, блондин подошел к ней.

– Привет, – говорит. – Узнала?

Лера на него уставилась, моргает, вспомнить не может.

– Я – Сергей. Помнишь, в подъезде познакомились? Тебя еще с квартиры выгнали.

Тут до нее дошло, кто он такой. Как же она его не узнала? Ведь такой парень хороший, у нее и кружка его со скорпионом до сих пор дома сохранилась.

– Теперь вспомнила!

– Ну как ты? Где теперь живешь? – начал расспрашивать он.

Обменялись телефонами, в тот же вечер созвонились, и

началась у нее новая пора в жизни – тайные встречи с Сережей, украдкой от его жены. Опять дежавю – то же, что и с Игорем, только сравнивать их совсем не хотелось. Нет-нет, Сережа не такой, он лучше, гораздо лучше! По сравнению с Танькиным Анатолием, конечно, бедноват – пашет рекламным менеджером, квартиру снимает, да и вообще бабками не раскидывается. Но зато у него джип «Mitsubishi Pajero» новый, за который ему еще пять лет кредит платить. В метро-то он по чистой случайности оказался, в тачку его въехал один, и пришлось ее на ремонт в сервис загнать, вот и ездил неделю общественным транспортом. А тут она, Лерка. У нее аж сердце щемило, когда она об этой случайности думала, – прямо как в романе каком-то выходит или в кино, и она – героиня. Вообще Сережка был классный пацан, шустрый такой, юморной. Лерка, наверное, даже влюбилась в него.

А закончилось все опять грустно. Сперва Сережка сказал, что некоторое время они не будут встречаться – жена что-то подозревает. Нужно неделю или две посидеть вечерами дома, успокоить ее бдительность. Лере пришлось согласиться – а куда деваться-то? Но прошла неделя, другая, третья, месяц – от Сережи ни слуху ни духу. Лера звонила ему, но сначала мобильный долго был отключен, а потом трубку стал брать какой-то ребенок, гордо пищавший, что это теперь его номер, ему родители сотовый купили. Можно было попробовать в Марьину Рощу съездить, но Лера, конечно, не поехала. Этого компота она уже в родном городе напилась, с Иго-

рем. Так и не стало в ее жизни Сережки. Было много других, но это так, не для души...

Так и жила Лера, пока в один прекрасный день не появилась на ее горизонте Светка, самый лучший человек на свете. Без нее ничего бы не было у Леры сейчас: ни мужа богатого, ни дома этого с прислугой.

Она хорошо помнит, как впервые увидела Свету. Стоял октябрь. Дождливая, серая, унылая погода. Настроение на нуле – симпатичный парень, с которым она позавчера познакомилась в клубе и провела ночь, наутро исчез и даже не позвонил. В магазине народу почти никого: понедельник – день тяжелый. От скуки Лера смотрела в окно и увидела, как ко входу подъехала красная иномарка. Минутой позже вышла эффектная женщина средних лет, одетая в цветастое платье с большим вырезом. Спрятав яркий вихрь рыжих коротких волос под прозрачный зонт, она проскользнула в бутик.

– Лер, обслужишь? – крикнула из подсобки Кристинка, занимавшаяся своим маникюром.

– Конечно, – ответила Лера. Она была только рада отвлечься от своих печальных мыслей и пообщаться с кем-нибудь. С девчонками в магазине особо не поболтаешь, что Кристинка, что Юлька – настоящие гримзы, строят из себя крутых, глядят свысока, от нее, Леры, нос воротят.

Клиентка осмотрела зал, не торопясь прошла к вешалкам, поглядела одну шмотку, вторую. Лера решила, что самое время к ней подойти.

– Вам чем-нибудь помочь? – пропела она, приближаясь.

Дама окинула ее внимательным взглядом и, очевидно, осталась довольна увиденным.

– Ну, помогите, – разрешила она.

Купила она в тот, первый, раз, Лера как сейчас помнит, черно-белую шелковую блузку. Лерка бы никогда такую не надела – мрачно слишком, да и простенько, а она любила вещи броские и нарядные. Но рыжая женщина выбрала именно ее, и выбирала долго, с полчаса, наверное, Леру не отпускала, болтала с ней, и не только о тряпках, а обо всем – о погоде, о жизни, о мужчинах. И так каждый раз, когда заходила, а заходить она с тех пор стала часто. Изредка покупала что-нибудь, но чаще просто посмотрит вещи, поговорит с Лерой – и уйдет ни с чем.

Так прошло полгода, даже побольше – уже и зима миновала, снег стоял, люди шубы и шапки снимали, переоделись в куртки и плащи. На Светлане, когда она в бутике появилась, тоже плащ был – кожаный, светло-кофейный. В тот день она кучу всего присмотрела из новой летней коллекции – и платье, и сарафан, и брюки, и кофточек аж три штуки, и, когда Лера пробивала все это ей на кассе, вдруг сказала:

– Слушай, Лер, неохота мне сейчас это все забирать. Я сейчас без машины – просто вышла прогуляться, погода отличная. Давай так сделаем – я сейчас за все заплачу, а ты мне вещи привезешь вечером домой. Естественно, такси туда и обратно за мой счет. Ты во сколько работу заканчиваешь?

– В восемь, – отвечала Лера, несколько растерянная таким неожиданным предложением.

– Ну, вот и чудесно. Записывай адрес. – Рыжая вела себя так, будто Лера уже согласилась. А та и не стала отказываться. Ей даже любопытно было съездить к этой клиентке (она уже знала, что ее зовут Светланой) домой, посмотреть, как она живет.

Жила Светлана и впрямь неплохо. И совсем недалеко – в начале Кутузовского, окна на Москву-реку, Белый дом и высотку выходят. Квартира просторная, обставлена как на картинках в журналах. Сразу видно – богатые люди живут. А Светлана эта, даром что богатая, держалась с Лерой совсем просто, точно не клиентка, а своя девчонка, подруга. Кофе напоила с пирожными, потом еще и ликеру выпили, разговорились. Лера ей многое о себе рассказала – и что не замужем, и что в Москве только третий год, и многое другое. Светлана ей очень сочувствовала. «Бедная, – говорит, – как же тяжело тебе пришлось. Ну да не тебе одной. Как говорят, Москва одному мать, а десятерым мачеха. Ну да ничего. Ты молодая, красивая – все еще впереди». Оказалось, что Светлана тоже не москвичка, они с мужем тоже не так давно в столицу перебрались. Он у нее какой-то крутой бизнесмен, у шефа своего в крупной фирме правая рука. И целыми днями на работе пропадает, а Светлана скучает одна – старые друзья остались в родном городе на Урале, а новыми пока не обзавелась.

Хорошо тогда посидели, душевно. Уже в двенадцатом часу ночи расстались, и то только потому, что Лере завтра было рано на работу вставать. С того вечера и началась их дружба. После работы Светлана за ней заезжала на своей тачке, Лерка прыгала на белоснежное кожаное сиденье, и они мчались куда-нибудь в прикольные места – рестораны, моллы, клубы модные. Первое время Лера офигевала – она ни разу в таких заведениях не была, да и не думала, что сможет когда-нибудь себе это позволить. Раньше-то она где тусовалась? В кафешках, барах да ночных клубах попроще. А тут один сплошной гламур. Если клуб – то какая-нибудь знаменитость выступает, если кабак – то все дорого, стильно, с ума сойти! Женщины в брюликах, мужчины как в кино про красивую жизнь, хавчик и выпивка дорогушие – ну прямо сказка! Рассказывая обо всем этом девчонкам на работе, Лерка только что слюной не захлебывалась от восторга, чувствовала, как эти воображалы, Юлька и Кристинка, завидуют ей, и на душе становилось тепло и сладко.

Через какой-то месяц она уже не представляла, как могла раньше жить без Светы, считала ее лучшей подругой, делилась всем, что было на сердце. Давным-давно рассказала ей всю свою биографию, особое внимание уделяя, конечно, отношениям с мужчинами, – и услышала именно то, что ей было нужно.

– Ты, Лерка, себя не ценишь. С такой внешностью – и размениваешься по мелочам. Разве хачики с рынка и мелкие

барыги вроде этого твоего Толика могут тебе дать то, что ты заслуживаешь?

– Да где ж мне других-то взять? – усмехнулась Лера, но в глубине души почувствовала себя очень польщенной словами Светы.

– А ты меня слушай, – то ли в шутку, то ли всерьез отвечала подруга. – И все у тебя будет.

Лера и сама быстро поняла, что ей стоит многому поучиться у Светланы. Уж тому, как вести себя с мужчинами, точно. Как же здорово у нее все получалось! Держала себя с достоинством, как королева, презиращая весь род мужской, любящая только себя. Однажды в ресторане незнакомый седой мужчина, похожий на киноактера, прислал на их столик бутылку дорогого вина. Света поблагодарила его столь холодным кивком и столь безразличной улыбкой, что Лере даже сделалось не по себе – она никогда не научится ничему подобному! Будь она одна, она бы только что не запрыгала от восторга, что такой мужчина оказал ей внимание. Но Света решительно сказала, как отрезала:

– Это не тот, кто тебе нужен!

И Лера даже не стала спрашивать почему. Она уже привыкла доверять подруге, слушала ее во всем, ловила каждое ее слово, каждый жест и все старалась запомнить.

«Какая же я раньше была дура! – думала Лера. – Совсем себя не ценила, любовников своих только что не боготворила, ждала, как идиотка, когда они соизволят вспомнить обо

мне. Нет, чтобы получить все, что хочешь, надо быть такой, как Светка. Вот бы мне такого мужа, как у нее...»

Мужа Светланы Лера никогда не видела, даже имени его не знала: подруга всегда называла его только «мой» и говорила о нем неохотно. Но и по тому немногому, что Лера знала, можно было понять, что с супругом Светлане повезло. Пусть не олигарх, не бизнесмен, а только наемный работник, но зато перспективный, карьеру делает быстро. За несколько лет в Москву с Урала перебраться и правой рукой шефа стать – это не шутка. Нет никаких сомнений, что у Светкиного мужа большое будущее – а значит, и у Светы вместе с ним.

Конечно, Лера тоже мечтала устроиться не хуже и не скрывала своих желаний от подруги. Светлана горячо ее поддерживала:

– Все будет, Лер, обязательно будет! Чтоб ты, при таких-то данных, – и хахаля себе не нашла!

Лера расцветала от этих слов, но Светлана тут же остужала ее пыл:

– Найти кавалера на одну ночь, чтобы перепихнуться, а утром он забыл, как тебя звали, – это, Лерочка, не проблема. Проблема – завязать отношения, чтобы он с тобой остался и давал тебе все, что ты заслуживаешь. Вот такого мужчину нам надо тебе подобрать, а это непросто...

И они старались, подбирали, но долгое время почему-то не везло. Тех мужчин, которые нравились Лере, Светлана в

большинстве случаев отвергала по самым разным причинам. «Не, это не наш клиент. Посмотри, как он деньги из кошелька достает, с каким выражением лица. Сразу ясно, что жадный как Кощей!» Или: «Лерунчик, этот не годится. Ты туфли его видела? Похоже, что на твоём Черкизовском куплены. И часы – могу спорить – не настоящие, а китайская или арабская подделка. Нет, нам таких, у кого вместо денег одни понты, на фиг не нужно!» И даже так: «Да ты что, подруга, глаза протри! От него же голубизной за версту разит!»

Однажды, это случилось уже в конце мая, они заглянули вечером в «Весну». В этот вечер там собралось немало интересных личностей. Светлана многих знала в лицо и украдкой показывала Лере:

– Видишь вон того пожилого мужчину у окна? Это Леонид Голубев,² владелец самого большого в России металлургического завода. А вон Виталий Малахов, сидит, хозяин «Meat-city»...

– Где? – вставала в стойку Лера, услышав название известной мясной компании.

– Да вон там, в углу.

– Это с толстухой, что ли? – близоруко щурилась Лера, глядя на чуть полноватую спутницу бизнесмена.

– Ну да, это его жена. И он ее очень любит. О них какую-то историю рассказывают, чуть ли не мистическую, го-

---

² Персонаж романа Олега Роя «Обняться, чтобы уцелеть».

ворят, она его от смерти спасла...³

– А вот того, в сером свитере, случайно не знаешь?

– Знаю, почему же. Это Виктор Волошин. Слышала про риелторскую компанию «АРК»? Так это его фирма.

– Да ты что?! Ну дела! Прикинь, Свет, я через эту фирму все свое жилье в Москве снимала.

Лере трудно было поверить в происходящее. Неужели она действительно сидит в одном ресторане с такими людьми и может даже познакомиться с ними?!

Неожиданно рассеянный взгляд Светланы сделался острым и внимательным. Она вся напряглась и вытянулась в струнку, и Лера невольно обернулась посмотреть, на кого это уставилась ее приятельница.

В мужчине, который только что вошел в зал, на первый взгляд не было ничего особенного. Во всяком случае, ничего такого, что сильно отличало бы его от остальных уважаемых посетителей дорогого заведения. Приятный, но не красавец. По виду – уже за сорок. Шатен, роста выше среднего, подтянутый, чувствуете, что следит за собой.

– Кто это? – вполголоса спросила Лера. Ее не так уж заинтересовал этот мужчина, но очень уж любопытно было, почему Светлана так смотрит на него.

– Расслабься, этот тебе не по зубам! – отвечала подруга.

Слова ее Лере задели, пожалуй, даже обидели. Она не со-

---

³ Историю Виталия можно прочесть в романе Олега Роя «Нелепая привычка жить».

мневалась, что сегодня на нее клонет любой – ведь она в этот вечер красива как никогда. Не зря же она надела это атласное платье от Versace за бешеные бабки, в нем ее пятый размер о-го-го как смотрится. А туфли – это вообще произведение искусства, двухцветные, красные с черным. Конечно, нехорошо так думать, ведь Светка ей столько добра сделала, но по сравнению с ней подруга смотрится ну просто серой мышью. Еще этот костюмчик надела, коричневый, неказистый... Да и возраст никакими шмотками, никаким макияжем не скроешь. Хотя в Светлане, конечно, внешность не главное. Вон какая она уверенная в себе – Лере до нее еще расти и расти.

– Думаешь, я не смогу ему понравиться? – надула губки Лера.

Светлана отчего-то засмеялась.

– Понравиться-то как раз можешь. Это пара пустяков. Он смазливых девчонок любит, это вся Москва знает. Но ведь тебе постоянный мужчина нужен...

– А он богатый?

– Астахов-то? Не то слово. Входит в сотню самых богатых людей то ли Москвы, то ли России, сейчас точно не вспомню. Цветными металлами занимается. Живет, конечно, на Рублевке, и за границей недвижимость есть, в Испании и еще где-то... Идеальный был бы вариант для тебя, но...

– Что – но? – напряглась Лера.

– Я ж говорю, не по зубам он тебе. На него знаешь сколько претенденток?

– Вот как...

Заинтересованная Лерка стала присматриваться к мужчине, он как будто почувствовал это и обернулся. Она того и ждала и, встретившись с ним взглядом, улыбнулась нежной, застенчивой отработанной улыбкой, на которую мужчины велись беспроязвительно. И этот оказался не исключением, улыбнулся в ответ.

– Похоже, я ему понравилась... – победно прошептала Лера.

Светлана не успела ответить. В ту же минуту к столику этого самого Астахова подплыла длинноногая девица в лиловом облегающем платье, расцеловалась с ним и, усевшись напротив, тут же отхлебнула воды из его бокала.

– А вот и подтверждение, – усмехнулась Светка.

– Страшная она, как крокодил, – бурчала Лера, рассматривая спутницу Астахова оценивающим взглядом. – Глазки маленькие, зато нос на троих рос. А помада у нее какая дурацкая, ты видела? Попы совсем нет, и сиськи наверняка силиконовые...

– Вот так и устроена жизнь, – констатировала Света, поигрывая ножом. – Она с силиконовым бюстом – да с ним. А ты с настоящим, да одна...

Лера только что не плюнула с досады.

Каким-то удивительным образом после той встречи в «Весне» они стали вновь и вновь натекать на Астахова. Куда ни пойдут – в ресторан ли, в боулинг, на презентацию

какую-нибудь, – так через раз на него натыкаются. Один он почти никогда не бывал – всегда с друзьями или деловыми партнерами, но чаще с девицами, все время разными. Лера смотрела на них и бесилась – ну чем она хуже!

– Я вижу, ты всерьез на этого Астахова запала, – сказала ей однажды Светлана.

Лерка пожала плечами. Не то чтобы... Конечно, ей хотелось бы быть на месте этих девиц, ни одну из которых она не считала равной себе по красоте. Но так, чтобы уж всерьез...

А Света тем временем продолжала:

– Ладно уж, помогу твоему горю. Я тут придумала кое-что... Узнала, например, в какую он тренажерку ходит.

– И в какую же?

– В спортклуб «Well-being» на Воробьевых горах. Если тебе так уж невтерпеж, запишись туда. Вдруг что-нибудь и получится...

– Но я даже не знаю, в какое время он туда ходит...

Светлана вдруг улыбнулась:

– Хорошо, что у тебя есть я, правда? Время я тебе узнаю и все, что делать, расскажу. Только уговор – никакой самодеятельности! Сама ты можешь все напортить, и он сорвется с крючка, понимаешь?

– Понимаю, конечно, – кивнула Лера. Разумеется, Светка все знает лучше ее. И если с ее помощью получится закадрить олигарха, то просто грех от такой помощи отказываться.

И получилось ведь, получилось! Не так уж быстро, правда, но на этом настаивала Светлана. «Терпение, Лерусь, терпение. Москва не сразу строилась. А поспешишь – только людей насмешишь». Ключнуть-то на нее Дрюня сразу ключнул – как увидел, что она с тренажером разобраться не может, тут же подошел, помог. Слово за слово, предложил после занятий сходить куда-нибудь, да Лера, как Светлана учила, отказалась – извините, мол, рада бы, да не могу, занята. Ну а после этого здороваться стали, болтать о том о сем, он ей свою визитку дал. Лерка делала все в точности так, как было решено со Светкой, – они накануне каждой встречи планы строили: как себя вести, если так все обернется, а как – если эдак... И после занятий тоже каждый раз разбор полетов устраивали. Света настаивала, чтобы Лера рассказывала ей все до мелочей – что сказал да как смотрел. Так вот вспомнишь – целую политику они вели! Чего только не придумывали... Будь Лерка одна, давно бы уже к нему в постель прыгнула, но Света запрещала, говорила: рано еще, только все испортишь. Один раз Лерка вроде как случайно проболталась про свой день рождения, а он ей цветы принес, огромную охапку роз и подарок – браслетик золотой, красивый до невозможности. Цветы Лера взяла, а браслетик вернула и сказала точь-в-точь по-Светкиному: извини, мол, но такой дорогой подарок принять не могу, буду чувствовать себя обязанной... А в другой раз, когда он ее домой отвез, она как будто ногу подвернула. Эту сцену вообще до мело-

чей Света продумала, чуть не по секундам все расписала. И получилось!

Когда у них все началось, она уже от подарков не отказывалась. Наоборот – следуя Светиной инструкции, каждый раз, когда он что-то дарил или давал денег, изображала бурную радость.

– Мужчины – как собаки, – говорила Светлана. – Ты же знаешь, как собак дрессируют? Когда хотят, чтобы они что-то сделали, дают им за это сахар. Так и с мужчинами. Он тебе шмотку купит – а ты не просто «спасибо» скажи, но и продемонстрируй, как она тебе понравилась. Ему будет приятно – а значит, захочется дарить тебе что-то еще и еще.

Лере безумно нравилась эта игра. Да и как может не нравиться, когда тебе и одежды полный шкаф накупили, и ювелиркой всю обвесили, и квартиру сняли – шикарную, в центре, с кондиционером, плазмой и джакузи, и с работы разрешили уволиться. Гуляй себе целыми днями, делай что хочешь, покупай что понравится. И всего-навсего, что от тебя за это требуется, – секс да разговоры. Красота!

Абсолютно счастливой она почувствовала себя после встречи в торговом центре под Манежем с Танькой, той самой бывшей закадычной подругой. Та ее сначала даже и не узнала, прошла мимо. Конечно, ведь Лерка теперь была не в тряпье от Черкиза, а в нормальных шмотках, да и красоту навела, из салонов не вылезала. Когда до Таньки допетрило, кто перед ней, она обернулась да как закричит:

– Лерка! Ты, что ли? – и кинулась к ней на шею. Даже неудобно перед людьми стало – все-таки не на рынке, а в шикарном торговом центре.

Танька теперь не показалась такой уж модной и хорошо одетой. Прямо сказать, так себе шмотки на ней, не вот тебе... Зато у подруги, похоже, шок случился.

– Вау, какая ты стала! Я тебя с трудом узнала! У тебя что, дядя миллионер в Америке умер?

– Нет, просто хороший мужчина попался, – торжествующе ответила Лера.

– Да что ты! – ахнула Танька и тут же залебезила: – А у него друга богатого нет случайно? Лерочка, а, солнышко, ну помоги! От меня спонсор ушел к другой бабе, я совсем на мели, не привыкла я на зарплату жить...

Так вот почему она сразу старую обиду забыла и хвостом завертела!

– Нет, не знаю я его друзей, не интересуют они меня, – отрезала Лера. – И вообще, Тань, мне бежать надо, извини!

И удалилась, гордая собой. Хотя потом иногда жалела, что не обменялась с Танькой телефонами. Все-таки та много сделала для нее. Опять же – было бы перед кем похвастаться своей нынешней жизнью.

– Лера Дмитриевна, Лера Дмитриевна, откройте! – раздался писклявый голос за дверью.

– Чего тебе, Оль? – недовольно пробурчала Лера. Надо же было оторвать ее от таких сладостных воспоминаний!

– У Боречки температура никак не понижается, тридцать девять и тридцать девять. Я все-таки врача вызвала...

– Ну вызвала и вызвала. Я-то тут при чем?

– Я думала, вы будете сами разговаривать с доктором...

– О чем мне с ним говорить? Без меня, что ли, не справишься? У меня своих дел куча... – начала было Лера, но осеклась. Пожалуй, прислуга еще сболтнет Андрею, что приезжала врачиха, а хозяйка к ней даже не вышла, – с этих сволочей станется... И тогда нового скандала не миновать. – Ладно, скоро спущусь... – проворчала Лера, нехотя сползая с кровати. Черт бы их побрал! Весь день ей испортили!

* * *

Возвращаясь домой, Лера еще издали увидела коренастую фигуру мужа в светящемся окне. Ходил туда-сюда с Борькой на руках, еще и к окну подошел, ее ждет. Вот так и знала, что он еще не лег, сейчас начнутся нотации и разборки. Кстати, ребенка-то чего эта дура Ольга не уложила? Третий час ночи уже! С досады Лерка отвлеклась, неловко вписалась в ворота и чуть не чиркнула боком машины по столбу. Водить она стала недавно, только в начале лета села за руль. К тому времени в гараже уже запылилась новенькая «Ауди» – подарок Андрея на Восьмое марта. От управления машиной Лера особенно кайфа не получала, одна нервотрепка, единственный плюс – мобильность и самостоятельность, когда нет водилы, то и

следить за тобой, а потом мужу докладывать некому. За лето Андрей отдавал машину в ремонт уже несколько раз – Лера то забор не заметит, то машину припаркованную чиркнет. В общем, «горе-шоферка», как ее называл муж. Горе не горе, но водить водила, особенно после рюмочки чего-нибудь. Лерка как-то случайно, встречаясь со Светкой, забыла, что за рулем, и выпила фужер шампанского, потом спохватилась, да поздно было. Поохала, поахала, да делать нечего, села и поехала. Оказалось – еще лучше: и страха нет, и все получается. С тех пор и стала кататься по вечерам с небольшой дозой спиртного в организме. Вот и сегодня она на дороге дала мастер-класс после выпитой полбутылки вина. Какая глупость, что нельзя ехать за рулем нетрезвой! Куда же еще мотаться на машине, если не на тусовки? Тем более у Андрея полгорода ментов – все знакомые. Как же все-таки ей повезло! Подумав об этом, Лера хихикнула.

Но, судя по тяжелым шагам в гостиную, муж не разделял ее сегодняшней веселости. Даже белокурый Борька – хоть волосами сын пошел в нее – хмуро, предательски-надменно глядел с высоты папиных рук.

– Нагулялась? Ты где была? – раздался суровый голос мужа, но Лере почему-то стало еще веселее.

Ухмыльнувшись, она подошла к Андрею и чмокнула его в щетинистую щеку. Он не увернулся, но и не ответил на поцелуй, только поморщился:

– И алкоголем от тебя за версту прет. А ты сама ехала, Владимира не вызывала. Лер, да что с тобой случилось? Ты вообще понимаешь, что творишь?

– А что я творю? – хамовато спросила Лера, плюхаясь в большое кожаное кресло.

– Ты целыми днями где-то пропадаешь, ребенком не занимаешься...

– А чего им заниматься? Он еще маленький, памперсы меняй да соски мой. Этим и Олька прекрасно может заняться. У нас есть няня. Ну да, задержалась я немного, со Светкой заболталась. Не виновата же я, что у меня есть друзья, а у тебя нет?

– Но Боря сегодня был с температурой, – возразил Андрей железным, на его взгляд, аргументом. – Плачет, до сих пор уснуть не может.

– Ну и что – температура? Есть врачи, есть лекарства. У всех бывает температура, и у меня бывает. Особенно в такие вечера, когда ты по своим блядям мотаешься! – разнервничавшись, сорвалась Лера на крик и вскочила с кресла.

– По... Где я мотаюсь? Как ты разговариваешь при ребенке? – заорал он, но Лерке сегодня и море было по колено.

– Как хочу, так и разговариваю – он все равно не понимает. Думаешь, я не знаю, на каких ты там деловых встречах бываешь как минимум раз в неделю? – бросила напоследок жена и быстрым шагом направилась к спальне.

Андрей остался и простоял так еще несколько минут, по-

сле того как утих звук ее каблуков. Борька, почувствовав настроение отца, протяжно захныкал, и Астахов передал его в руки заботливой няне. Спать совсем не хотелось, как тут уснешь? Но и идти следом за женой, чтобы продолжать очередной скандал, тоже не было никакого желания. Последнее время они постоянно ссорились, орали друг на друга. Астахов уже несколько раз чувствовал, что еле сдерживается – такое сильное было желание ударить жену.

Где-то у него был коньяк. Вообще-то врачи строго-настрого запрещали пить, уверяя, что сердце у него и так не в порядке, а алкоголь – прямой путь ко второму инфаркту, но Андрей их особо не слушал. Отыскал в одной из комнат только сегодня откупоренную бутылку, щедро плеснул в бокал, уселся на мягкий ворсистый ковер около камина и задумался. Все в жизни стало не так, как он привык, как хотел, – и совсем не так радужно, как раньше, даже если сравнить с тем временем, когда толком не было денег. Ведь тогда хоть он и пил отечественное пиво и теснился с женой в трехкомнатной квартирке, но был счастлив и все было лучше, чем сейчас. Имелись смысл существования и цели, которые нужно было достигать, жизнь казалась наполненной – событиями, эмоциями, взлетами и падениями, за которыми следовали новые взлеты. А теперь сплошное ощущение вязкого и тягучего, как каучук, болота. «Но как? Как можно было докатиться до этого? – спросил он сам себя и почувствовал, как внутри обожгло болью, как заныли незажившие кровотока-

щие раны на сердце. — Надо идти спать. Должно быть, я просто много выпил сегодня», — успокаивал он сам себя, но понимал, что дело совсем не в коньяке и не в том, что у Борьки режутся зубы, и даже не в том, что жена пришла поздно и пьяная. Все гораздо сложнее — у него было ощущение, что живет он не своей жизнью, а плывет по течению, и заносит его совсем не туда, куда хотелось бы. У него была отличная биография, прекрасная семья, он гордился этим, а потом... А потом будто кто-то взял, перечеркнул все и написал по-новому. И все вроде неплохо, но пропало самое лучшее, самое светлое, самое дорогое — Люда. Бывшую жену он теперь постоянно видел во сне, в сладостном, мучительном сне, в котором хотелось остаться навсегда. Как же получилось, что он предал ее? Ее, которую так долго искал? В его жизни было немало женщин, но все делились на два класса: Люда и остальные. Те были случайными, мимолетными и незначимыми — она одна оставалась постоянной. И когда он, даже вернувшись домой после очередного оттяга с какой-нибудь длинноногой моделькой, называл жену «единственной», то, по большому счету, не врал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.